

Борис

БУЖОР

18+

ДК

Борис Бужор
ДК
Серия «Городская проза»

*Текст книги предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=34377504*

*ДК: АСТ; Москва; 2019
ISBN 978-5-17-118380-6*

Аннотация

Полный энергии молодой драматург Платон вопреки обстоятельствам пытается создать свой театр на базе забытого провинциального Дворца культуры. Но дело, которое он затеял, постоянно встречает препятствия. Да и вряд ли могло быть иначе, когда главный враг Платона – его жена – дерзкий, красивый художественный руководитель областного театра и самая сексуальная девушка города.

Содержание

Свадьба	5
Еврей и Есенин	18
Третий в подарок	49
Народный Микки-Маус Америки	61
«Смерть мусору»	74
Библиотекарь	81
Собрал король как-то раз англичанина, немца и русского...	95
После обеда	113
Платон Сергеевич	125
«Show Must Go On»	147
Конец ознакомительного фрагмента.	149

Борис Бужор

ДК

Обойди периметр, закрой ворота на ржавый замок,

Отыщи того, кто еще способен, и отдай ему ключ.

*Не вини себя в том, что все так плохо —
ты сделал, что смог,*

А теперь считай, что нынче ты в отпуске...

Олег Медведев

Свадьба

– Согласны ли вы?

– Да, – отвечаю я, не дослушав скучную женщину в пиджаке и юбке казенного фасона.

Служительница загса, словно меня и не слышит, продолжает тараторить, сохраняя недвижимую и непробиваемую ярко-красную улыбку.

Ленка дергает меня за манжет белоснежной рубашки. Еще никогда я не был так красив! Хотя все очевидно – Ленка же сама подбирала мне костюм – рубашку, галстук и даже стилиста, весь мозг вынесла стремлением сделать меня самым очаровательным в мире мужчиной. Ничего не поделаешь – женщина. И девушку-гримера из театра привела, которая кисточкой водила по моему лицу, словно художник по свежему полотну. Для чего, я так и не понял, наверное, омоложила – разгладила морщины.

Нет, я, однозначно, красив, а иначе Ленка вряд ли бы сейчас стояла рядом со мной перед регистрационным столом центрального городского загса в белом платье, каких-то похожих на тюль накидках и с дурацкой прической. Нет, для всех кудри Ленки, конечно, прекрасны. Я чувствовал, как пара ее нарядных подружек с короткими, из-за преждевременно редеющих волос, стрижками, завистливо смотрели на ее гордо завитые кудри. Но зачем Ленка их так накрутила?

С прямыми волосами она куда красивее... Но я ей это никогда не скажу, обидится же. А спросит, отвечу, мол, твои кудри великолепны... ну, что-то в этом роде, выкручусь. Не лучшее дело за несколько секунд до торжественной росписи думать о том, как лучше обмануть жену. Ложь начинается с кудрей, ну во всяком случае для меня.

На этом и закончится, я уверен. А кудри? А кудри пусть останутся моей маленькой тайной – об этом никто и никогда не узнает.

– Жених, согласны ли вы?

– Да, – повторяю я.

– Невеста, согласны ли вы?

Пауза. Слышно, как на улице высоко-высоко гудит самолет.

– Да. – Ленка сосредоточенна. Касаюсь пальцами ее ладони, она холодна, как лед.

Я улыбаюсь, Ленка пытается расслабить губы – изобразить улыбку, мол, все хорошо, но я вижу, она волнуется точно-точно как в день своих премьерных постановок. Говорят, что у женщин бывают плохие дни, так их, кажется, называют. У женщины-режиссера «такие дни» случаются чаще и длятся дольше – недели полторы до премьерного спектакля.

– Ваше взаимное согласие, – продолжает женщина, – дает мне право в соответствии с Кодексом Российской Федерации зарегистрировать ваш брак. Приглашаю вас поставить подписи в записи акта о заключении брака. – Тишина, шум

самолета отдаляется. – Пожалуйста.

Играет музыка, точно такая же звучала, когда мне вручили институтский диплом, школьный аттестат и медаль за победу на областных соревнованиях.

Расписавшись, обменявшись кольцами, наобнимавшись с родней, попозировав перед камерами фотоаппаратов и наслушавшись поздравлений, под общие аплодисменты выходим на улицу – гости расступаются перед нами, как воды перед Моисеем. С осторожностью оглядываю собравшихся – большинство из них Ленкина родня и знакомые, с моей стороны мама, папа, брат и пара друзей из поселка – Глобус, Пенчук...

Раньше, когда еще работал в театре, в перерывах между творческими и криминальными приключениями представлял себе женский идеал – фантазировал волосы, пальцы, ножки, грудь, все на свете, кроме национальности. Скажи мне еще год назад, что моей женой окажется еврейка, рассмеялся бы тому человеку в лицо. Но внезапная любовь, созданная воображением из сатирического безумия и эротического противоречия, обрела конкретные контуры бытового факта – ладную фигуру, длинные волосы, высокий лоб, холодные ладони, имя и отчество – Елена Иосифовна... Елена Иосифовна Фейгус – художественный руководитель театра нашего города и режиссер известных российских спектаклей.

Женский визг и рис взмывают ввысь. Народ требует от нас

поцелуя. Мы его обозначаем, просто соприкоснувшись губами.

Невеста уходит фоткаться с подружками, расталкивая толпящихся, подбирается Васька – старый друг – известный больше как Колдай, кладет огромную руку мне на плечо, аккуратно косится на Ленку, что, умышленно обнажив плечи, замерла для нового кадра.

– Поздравляю, братан, не, ну реально, ну... повезло... – шепчет он. – Реально красавица.

– Знаю, – с гордостью отвечаю я.

Колдай выбрит, свеж, купаж одеколона и перегара – легкий, ненавязчивый, джентльменский.

– Вон та подружка свободна? – Он кивает в сторону восторженного столпотворения женщин.

– Какая?

– Да, вон, та, полосатая?

– Какая?

– Вон, та, с коленками торчащими.

– Точнее.

– В платье полосатом.

– А, Адка.

– Какая кадка? – Колдай смеется и оглядывается по сторонам – не слышит ли нас кто-то.

– Ада, – улыбаюсь я. – Актриса из питерского театра.

– Да это мне плевать кто она там, главное – свободна?

– Да, месяц назад с кем-то рассталась, Ленке по скайпу

жаловалась... Переживает вроде как, от депрессии лечится.

– Вот и отлично, я ее сегодня и утешу. – Колдай хитро улыбается. – Подлечу...

Его похабность прекрасна – честная и мужская.

– Лекарь, – веселюсь я.

– А что, сейчас подойду. – Колдай расправляет огромные плечи – костюм на нем сидит впритирку, красиво. – Скажу, мол, девушка, здравствуйте, вам лекарь не нужен? За ночь вывожу от депрессии. О, гляди, к ней уже какой-то тип в штанишках заношенных лыжи наострил. Блин, что за одежда, у нас после бутылки водки люди приличнее одеваются.

– Не волнуйся, он гей.

– В смысле?

– Парней предпочитает.

Колдай наклоняется к моему уху:

– Пидор, что ли?

– Ага.

– Ну угодил, поназвал гостей. И много тут таких?

– Человек шесть-семь.

– Надо было заранее предупреждать, а то тут выпьешь, слабину дашь, и все – толпой в свой голубой сусек затащат... А потом оправдывайся перед пацанами, что один раз не... Ну, ты понял.

– Я их сам не знаю. Это с Ленкиной стороны.

– Ну, Кадка эта точно одинокая, да?

– Да. Вась, да она же страшная... Косметика одна.

– Истинного гусара страшной женщиной не напугать. Давай, я пошел. – Колдай хлопает меня по плечу и направляется в сторону гостей.

У входа в загс толпятся другие пары и ждут своего часа. Улица светла, на пальце сверкает золотое кольцо. Впереди долгий день – пафос, поздравительные стихи, тосты, цветы и деньги в конвертах. На голубом и безоблачном небе обрывается белая полоса от скрывшегося в глубине самолета.

Свадьба завершилась за полночь, гости долго не хотели расходиться. Слава богу, все закончилось. Но в ушах до сих пор все еще гремит раскатистое «горько» заслуженного актера из какого-то московского театра. Он выкрикивал это проклятое «горько» каждые пять минут. Ленка говорила, мол, большая честь, что такой человек выбрал время и смог приехать на свадьбу. Она весь вечер старалась с ним говорить. А он пожирал ее похотливыми, заплывшими жиром глазами.

Когда все закончилось, мы поднялись от ресторана в лифте на самый последний этаж, где нас ждал бронированный Ленкиными родителями номер. Над дверью висели шарики и прочая праздничная лабуда.

Захожу внутрь, сбрасываю пиджак, срываю галстук, плюхаюсь на стул и закурываю напротив огромного окна. С вышины двадцатиэтажной гостиницы кажется, что у моих ног лежит целый город. Контуры его размазаны в электрическом свете. Над крышами новостроек словно фиолетовые падуги

висят небеса. А перед всем этим – река. Свет моста, уводящего на другой берег огоньки машин, подсвечивает черную воду.

– Хочешь шампанского? – Ленка со спины гладит мне плечи.

– Спасибо. Чаю бы...

– Ты много пьешь чаю.

– Привычка.

Ленка, не сняв с себя ни платья, ни украшений, садится мне на колени. От нее одновременно пахнет и потом, и духами. В руке фужер с шампанским. Она стучит красным коготком по его длинной ножке.

– Платон, спасибо тебе.

Я крепко обнимаю Ленку, стараясь не прожечь сигаретой ее платье. Чем больше она меня называет по имени, тем больше я ее люблю. Она великолепна, несмотря на то что кудри...

– Да не за что.

– Я знаю, что ты не хотел всего этого торжества, ради меня же терпел, да?

– Ради тебя.

– Платон, ты лучший мужчина.

– Льстишь...

– Ты хочешь меня обидеть?

– Нет, извини.

– Тогда запомни: если я говорю, что ты лучший, значит

лучший... – Ленкины глаза наливаются слезами.

– Лен, что с тобой?

– Я счастлива, – говорит она, уткнувшись мне в плечо.

Долго целуемся. Не так, как во взрослых фильмах. По-своему – обрывисто, жадно прикусывая губы, без языка. Мы так привыкли, нам так нравится. Без отрыва от ласк, тушу сигарету в хрустальной пепельнице на столе. Пытаюсь не рассыпать пепел, чувствую, что все сейчас скоро слетит на пол, перевернется и покатится прочь.

– Ты же вернешься в театр?

– Я? – Ленкины волосы щекочат мне щеки.

– Ты.

– Да кто меня возьмет? Ты же сама знаешь, эта директриса...

– Да она ничего не значит, все равно я все решаю.

– Подумаю, – второй раз уже вру я, знаю же, что даже и думать не буду – про себя все давно решил – в свой бывший театр я не вернусь никогда.

Снова поцелуй. Ленкины губы горячи. Приговаривают:

– Какой же ты у меня красивый... А еще очень умный. Для такой культурной дыры лучшей рекламы, как срыв первой премьеры, и не придумаешь.

– В смысле?

– Платон. – Она ставит фужер на стол, нежные пальцы растегивают пуговицы моей вымокший за день рубашки. – Не притворяйся, ты же знаешь, я тебя раскусила.

– Я не из-за этого запретил спектакль. – Руки Ленки скользят по моему телу... От плавного возбуждения чувствую, как голос мой начинает подрагивать.

– А из-за чего? – Ленка касается носом моей шеи, от ее дыхания по спине пробегают мурашки.

– Назло!

– Так я и тебе поверю... Знаешь, – проворные женские руки снимают с меня рубашку, – нехорошо врать жене. Нехорошо, Платон. Не хочешь, не говори. Но ты молодчина. Мой... Извини. Наш спектакль же один из самых популярных в России стал. – Ленка целует мне грудь... – Знаешь, а если бы не то награждение в Москве, я бы никогда не узнала, какой-то ты еще и классный... – влажные губы спускаются к животу. – Какой классный... В смысле не как писатель, а как, – длинные пальцы поглаживают ширинку брюк, очевидно, что там уже и так все готово к действию. – Как...

Год назад Ленка, тогда еще для меня Елена Иосифовна, стала худруком театра, в котором я работал завлитом – руководителем литературной части. Я назло директрисе и чиновничьим верхам сорвал Ленкин спектакль – позвонил в российское авторское общество прямо в день премьеры – за считанные минуты до начала, и на правах автора пьесы запретил показ. После этого меня по статье уволили из театра, в частности, а если в целом – то из всей культуры города. Я остался на обочине. Но начальство в департаменте культуры внезапно сменилось, и я, успокоившись, все-таки разрешил те-

атру использовать свою пьесу со странным названием «Му-агил». Премьеру перенесли на месяц, но зрительский ажиотаж в связи со странной отменой спектакля набрал неудержимую силу. В итоге мы получили одну из престижных премий в Москве, я выиграл номинацию драматург года, Ленка – лучший режиссер. После торжественной части мы пересеклись на банкете, она брезгливо отворачивалась от меня, попивая томатный сок из высокого фужера и разговаривая со звездами кино. Я стоял за соседним столиком и поедал оливки с сыром. Позже мы пересеклись в коридоре гостиницы – наши номера оказались на одном этаже, она обозвала меня предателем, а я – улыбнулся.

– Отпусти! – Я содрогаюсь от вылетевшего из прошлого крика.

– Платон. – Ленка поднимает глаза из полумрака. – Все хорошо?

– Все хорошо... Все очень хорошо... Леночка.

– Обожаю, когда ты меня так называешь.

– Елена Иосифовна.

– А когда так меня называешь – ненавижу. Даже когда мы переспали, давно – еще в театре, ты продолжил меня так называть, помнишь?

– Помню...

– А если бы мы в Москве не встретились в коридоре, то ничего не случилось бы, ты больше ко мне не подошел бы.

– Не подошел бы...

Ленка расстегивает ширинку, потом пуговицу брюк, кинематографично распускает волосы, словно героиня одного из фильмов, которые крутят каждую пятницу по «РенТВ» после полуночи.

– Но я не ожидала, я хотела кричать, еще бы немного... Ты мне казался таким робким – не привыкшим к женщинам. А тут... Я ни одному мужчине так не позволила бы с собой поступить. Такую пощечину влепила бы, что он не встал бы.

– А мне что не влепила? – Я поднимаю Ленку с колен, пытаюсь расстегнуть ее платье на спине. Чертов замок, ни хрена не поддается.

– Растерялась.

– Растерялась?

– Да... Платье не разорви.

– Надеюсь, второй раз оно тебе не понадобится.

Ленка смеется немного наигранно, но приятно.

– Знаешь, если честно... Если честно-честно-честно. Ну, совсем-совсем честно, мне никогда так не было хорошо, как тогда, когда ты втолкнул меня в свою комнату и кинул на кровать.

– Ты испугалась?

– Нет... Просто поняла, что ты меня любишь.

– Как там умники всякие говорят... – Раздеть Ленку в свадебных одеяниях не так просто – платье не снимается, то ли замок не до конца расстегнулся, то ли еще что. – Говорят, что страсть – это еще не любовь, ну, что-то в этом роде...

– Ну и пусть. – Ленка заманчиво улыбается, проводит точеным ноготком по моим губам. – Пусть философствуют... Мы же знаем, как оно на самом деле. Но никому не расскажем. Рви...

– Что?

– Платье рви, все равно оно мне больше не понадобится.

Интригующий полумрак, треск ткани, моя нога застряла в штанине. Крепкие объятия, стены, пол, кресло, стол, опрокинутая пепельница... Нижнее белье разлетается по номеру. Падаем на кровать, Ленка садится на меня сверху, сжимает ладонями мою грудь.

– Ты красива, – говорю я, чувствуя, что в спину мне впилось что-то острое.

– Лучше всех?

– Лучше всех.

– Знаешь, я как-то заручилась, что если найду мужчину сильнее себя, то сразу же выйду за него замуж.

– Значит, ты меня не любишь? – Я сжимаю набухшую грудь своей новоиспеченной жены.

– Глупый. – Ленка смахивает с лица прядь волос. – Не забывай, что у нас любовь особая. – Она направляет рукой... Тепло, горячо, обжигающе.

На освещенной стене полосатая тень балкона.

Сумрачные движения, нарастающий стон. Сквозь него слышу:

– Как ты решился так со мной поступить?

– Понял, что иначе мне тебя не взять – только силой закинуть в свой номер...

– Правильно понял. – Жена протяжно стонет, заводится еще больше, ласкает себе грудь – знает, что мне это нравится.

– Лучше взять мечту силой, чем не взять вообще.

– Верно, – слышу над ухом сладостный шепот.

Приподнимаюсь. Что же, блин, колет? Руками пытаюсь нащупать, что это может быть. Тщетно. Ленка, обхватив меня ногами, нежными движениями все сильнее и сильнее прижимает меня к мягкому матрасу.

Я вижу женский силуэт с идеально очерченным изгибом – от бедер к талии, от талии к груди, за ним море ночных огней – панорама застывшего города.

С силой переворачиваю Ленку.

– Ой, – вскрикивает она, словно девочка.

Я достаю из-под ее спины помятую розу.

– Выбрось ее на хер.

Я послушно выбрасываю. Прижимаю Ленку к себе.

Меня сжимают крепкие женские объятия...

Они сильны, но мои сильнее.

Еврей и Есенин

Бывают в городе богемные пьянки, дай только повод – юбилей заслуженного актера, закрытие или открытие местного фестиваля, день театра или культурного работника, да что угодно, – все служащие Мельпомены собираются в ресторане «Театро». До этого большинство культработников ручаются, что не пойдут, мол, скинешься помногу, а дадут помалу, да и с этим, с тем, с ним за одним столом сидеть не хочю. Да и снова сэкономят – водку «гаражную» купят. Но, как бы там ни было, все без исключения собираются на банкете, самые громкие «диссиденты» приходят раньше других, улыбаются, без предупреждения начинают говорить, заваливая тебя еще прошлогодними творческими планами по созданию шедевра. Зал делится на два ряда столов – за одним актеры, помрежи, световики, звуковики, монтировщики, за другим – режиссеры, начальство, чиновники и избранные гости. Я долго пытался отговорить Ленку не посещать подобные паноптикумы – зачем быть с теми, кто тебя не любит? Но она все-таки убедила меня, что на подобных вечерах надо появляться назло... Нарядиться как можно краше, сесть рядом с врагами и козырять своими достижениями... Назло злопыхателям излучать счастье и успешность.

– Здравствуйте, – говорю я директрисе своего бывшего театра.

– И вам не хворать. – Она садится неподалеку, веселье уже в полном разгаре.

Ленка звезда, все так и пытаются с ней заговорить, нахваливают ее спектакли. Женщина-режиссер, да еще и красавица. Для нашего города – это новость – это нонсенс. Художественный руководитель областного театра с прической «одуванчик», я его зову Француз – похож, целует руку моей жене, разговаривают. В городе два театра: мой бывший – городской и областной. Начальство их враждует, так и пытаются друг друга уколоть. Помню, как директриса при мне пересчитывала купленные в спорттоварах статуэтки регионального фестиваля, после чего с гордостью заявила: «А у нас на две больше, чем у этих, видел? „Лучший спектакль“, „Лучшая мужская“, „Лучшая женская“ и „Лучшая работа со светом“»... А вот она и сама, совсем рядом.

– И чем же ты сейчас занимаешься?

– Пишу.

– Пишешь, значит...

– Значит, пишу.

Расходимся в разные стороны, вот и поговорили.

Актеры достаточно запьянели, шумно переговариваются за столом, выбегают покурить каждые пять минут. Я следую на улицу. С возвышенности город сверкает крышами домов. Весеннее настроение.

Актеры театров смешались – среди них вражды нет, воюют верха. Вражда, конечно, есть, но она происходит по дру-

гим причинам, не по принципу «Ты из какого театра?»».

– Привет. – Подходит Левик – один из актеров областно-го, статный, большой, громкий, созданный играть военных и всяких там комиссаров.

– Привет. – Я закуриваю.

– Я тут это, – смущаясь, говорит он. – Пьесу написал, хотел тебе дать почитать.

– Конечно, на почту высылай, знаешь адрес?

– Оставишь?

– Без проблем.

Откуда-то, видимо, он слышал наш разговор, появляется кудрявый парень в сером свитере, нагло хлопает меня по плечу:

– Говно. Не читай. – И чуть пошатываясь, уходит за веранду ресторана.

– Кто это? – кошусь я в его сторону.

– Серега Швейцер.

– Швейцер, – ухмыляюсь я. – Еврей?

Серега, услышав мой вопрос, возвращается.

– Да, еврей, но в меру.

Ко мне подходит Данила – актер из бывшего моего театра, как обычно, берет все внимание на себя. Год его не видел, а он совсем не изменился – худощав, моложав и груб.

– Ты бы хоть дал свой роман почитать.

– Книга выйдет, конечно, дам.

– О, книга, – повышает голос Данила, щурится.

– И, правда, если несложно, скинь мне. – Левик, заметив, что я докурил, услужливо протягивает мне новую сигарету. – А то все пишут и пишут про твой «Нацбест», только читать успеваешь, каждый день какая-нибудь заметка выходит.

– Платончик. – Данила нарочно коверкает мое имя, чувствую чертов суффикс уменьшительно-ласкательный, мог бы и без него обойтись. – Хорошо пристроился, год в театре поработал и, хоп, роман написал. Да и назвал еще как – «Завлит» – в честь себя. Надо и нам всем с начальством поругаться и роман написать – помреж, монтер, завтруппой. Все на этом, как его...

– «Нацбесте», – дополняет Левик.

– Да, на этом «нацбесте» будем.

После увольнения из театра я сочинил роман «Завлит» про свою театральную-криминальную жизнь – про парня, который днем работал в театре, а ночами воровал металл с поездов. На удивление, он, даже не будучи издан, рукописью попал в самую престижную литературную премию «Национальный бестселлер».

– Не напишете, – говорю я мягко, не желая конфликтов.

– Какой, на хрен, бестселлер? – не выдерживает этот Швейцар. – Кто тебя читал, бестселлер, блин? «Гарри Поттер», «Властелин Колец» – вот бестселлер.

– Что тебе надо? – Я гляжу на неугомонного и явно перепившего «в меру еврея».

– Просто чушь собачья этот твой «бестселлер».

– Может быть, ты и прав, а может быть, нет...

Я не гордый, но нет ничего глупее и унижительнее, чем в споре отстаивать свою значимость. Я отхожу в сторону, чем вызываю лишь большее раздражение.

Появляется Вера Ляпина – наша писательница, уже лет десять преуспевающая на поприще женских романов, любительница театра, не пропускающая ни одной премьеры. Женщина фигуристая и статная – выше меня на голову. Волосы густые, без всякого признака седины, свободно расправленные для мужских взглядов и комплиментов.

– Платон. – Она меня обнимает, целует в щеку. Оценивающий взгляд скользит по мне с ног до головы. – Я думала, ты с женой в Москву перебрался.

Слово «жена» она выделяет жесткими интонациями – будто бы оно в предложении лишнее.

– Я и не собирался. Это Ленка все рвется... Все что-то хочет доказать.

– Пусть для начала у нас докажет.

И что на Верку нашло, когда-то ей Ленкины спектакли нравились. Сама же в свое время «Кармен» нахваливала, мол, для нашей дыры – это прорыв. Статью даже про постановку в московский театральный журнал написала. Да такую, что, прочитав ее, прослезился бы и сам Станиславский.

– Что не отвечал?

Теряюсь от вопроса – подбираю оправдания, чтобы не обидеть. Нет вариантов, поэтому отмалчиваюсь.

– Знаешь? – Она наклоняется ко мне, ее обветренные губы почти касаются моего уха. – Тебе валить отсюда надо, в этом болоте делать нечего, – отстраняется, переходит на деловой тон. – Там для тебя все возможности открыты.

– Спасибо. – Я растерян – и приятно, и понимаю, что на хрен я кому в Москве сдался, да даже дело не в этом... Ленка тоже Москвой грезит. Спектакли она там ставит, конечно, а неделю назад, как с цепи сорвалась, заладила, мол, там все – культура, жизнь, слава, а здесь скукота дремучая и актеры запойные. Отчасти я ее понимаю, все, что можно в нашем городе было достичь, она и так достигла.

– Ты молодой, талантливый, что тебе здесь делать?

Актеры косятся на нас.

Данила разбавляет наше импровизированное уединение.

– Платончик, – с еще большим садизмом коверкает он мое имя, – где свою Елену Иосифовну потерял?

Он чувствует, что нам на него плевать, от этого начинает говорить еще громче. Слов его не разбираем.

– Я подумаю. – От неловкости опускаю глаза, хотя знаю, что тут думать нечего – в своем городе я останусь при любых обстоятельствах.

Видимо, я рожден увечным, с патологической любовью к уходящим на юг поездам, кирпичным домам, покосившимся крышам, уездному тщеславию коллег и мировому простодушию случайных знакомых.

– Ты подумай, подумай.

С фужером томатного сока выходит Ленка. Француз следует за ней, любуясь моей женой со спины. Вроде уже возраст, а все туда же, пялится, как юный школьник на молодую практикантку из педа. Хотя Ленкины бедра в обтягивающем платье – загляденье.

– О, вот где мой муж. – Она обозначает поцелуй в губы. – Ты куда ушел?

– Покурить.

– Ты много куришь.

Вера с недовольным видом отходит в сторону.

– Знакомьтесь. – Ленка стремительной паузой сводит нас с худруком областного театра.

– Александр.

– Платон.

Жмем руки.

– Наслышан, очень приятно.

– Спасибо.

Против Француза ничего не имею, думаю, он тоже. Для него главный враг – моя Ленка... Они худруки конкурирующих театров, приговоренные историей нашего города к вечной борьбе за зрителя – но режиссеры в этом не виноваты, это перешло к ним от их предшественников, а к тем от предыдущих – ныне давно покойников. Сегодня начальство областного и городского театров вдоволь наулыбаются, а завтра разойдутся по кабинетам и будут думать о том, как превзойти друг друга в следующей премьере.

Выходит директриса муниципального театра, кажется, что так и хочет специально попасться мне на глаза. При уличном свете замечаю, что лицо ее заметно обвисло. А я видел Елену Ивановну еще в форме. Особенно помнится, как разгладились все ее морщины, когда она протянула мне документы, где, ссылаясь на трудовой кодекс, были обозначены все причины моего увольнения по статье.

Разговоры умолкают, актеры столпились рядом с нами. Швейцер отвел меня в сторонку:

– Платон, кажется?

– Да.

Протянул мне открытую ладонь.

– Серега.

– Хорошо.

– Ничего хорошего не вижу.

– Что тебе надо? – Я малость завожусь.

– Пошли, выпьем.

– Пошли.

Заходим в ресторан. Еще недавно пышущая эстетизмом закуска померкла, объедки разбросаны по белой скатерти. С первого попавшегося стола Швейцер берет нетронутую сырную тарелку. Забиваемся в угол. Музыка там почти не слышно. За квадратной колонной танцуют актрисы. Замечаю Таньку – театральный секс-символ нашего города, вечно одинокая, вечно молодая, ее призвание – играть роковых женщин. Я с ней работал в одном театре. Она неплохо испол-

няет роль в моем «Муагиле», только слишком много своей героине добавляет эротизма, который явно там ни к селу, ни к городу.

– Водку, вино, коньяк? – спрашивает Серега.

– Водку.

– Не советовал бы, «гаражная».

– Коньяк я тоже не люблю.

– А ладно, водку так водку. – Швейцер наполняет рюмки. – Извини, я погорячился.

– Да ладно.

– А пьеса, – говорит тише, – и впрямь говно, не читай, не трать время.

– Я разберусь.

– Давай.

– Давай.

Чокаемся, выпиваем, закусываем сыром и размякшим на каемке тарелки укропом. Водка противная, но что делать? Коньяк и вино я не переношу всей душой.

– Ты актер? – интересуюсь я.

– Актер. А ты что, спектакли со мной не видел?

– Да вроде нет.

Звон разбитых тарелок, склонившаяся над столом девушка всей своей полнотой подпирает стол, ее руки шарят по столу в поисках вибрирующего сотового.

– Вот, Олеська, как обычно.

– А что с ней?

– А ты как думаешь? – Серега снова наполняет рюмки. – Перепила. Что непонятного? Наша завтруппой.

– Ладно. – Снова стук рюмок, Серега выпивает не морщась. – Тебе все это нравится?

– Нет. Я тут из-за жены, она попросила.

– А кто твоя жена?

– Ленка...

– Ммм.

– Елена Иосифовна.

– Фейгус?

– Да.

– Бездарный режиссер, хорошо, что я в другом театре.

– Эй, потише вообще-то.

– Понял-понял. – Серега снова потянулся к бутылке.

– Ваш-то тоже не лучше, уже который год ни одного кассового спектакля сделать не может.

– Алло, – раздается крик в телефон. Олеська... Все-таки дотянулась... – Не кричи на меня, сказала же, вечером приеду.

– А она еще меня жизни учит, тоже мне, учительница, – умышленно кричит он в сторону бормочущей в телефон завтруппой. – Со своей разберись. А то все мне советует пить меньше...

– Я сказала же, – Олеську заедает. – Вечером.

– Эх, – заводится Серега, наскоро выпитая водка его значительно поднакрыла. – Я не так представлял театр, учился,

там...

– Где?

– Не важно, в другом городе, далеко... Сюда позвали, приехал, роли дали главные, молодым, перспективным и талантливым обозвали. Толку? Перебрался я в ваш город, а тут... Вот. – Серега размашисто указывает в сторону вернувшегося с улицы веселья.

Начинаются танцы и объятия; водка вливается в актеров легко и просто. Высококосветское начальство потягивает вино и шампанское, ведет разговоры о грядущих перспективах.

– Сплошной пир. Словно все только в театр и пошли лишь для того, чтобы потом на пьянку продефилировать, друг перед другом мудями потрясти – кто звонче, помериться... Думаешь, они от творческих мук страдают? А ни хрена, от похмелья по утрам они страдают. Так и живем, провинциальная богема, мать их, вечный антракт, действия, боюсь, не дожждаться.

– Хорошо сказано, – замечаю я. – Возьму фразу на заметку.

– А, ты же писатель, драматург, точно.

– А ты что, нашу «Дуэль» не глядел, ну, что по Чехову. Или «Квадратуру круга»?

– Смотрел, конечно.

– Ну. – Серега разводит ладони в сторону, по-солдатски вытягивается.

– Постой-постой, это ты, что ли, Батюшку играл?

– А кто же? – не без гордости заявляет актер.

– И ты Абрама играл?

– Я.

– Не, ну, не узнал, извини... Слишком ты отличаешься в жизни от тех героев, что на сцене.

Теперь все сошлось – я пью, по моим же собственным словам, как я кому-то сказал, с лучшим актером города. Все спектакли с ним видел, правда, фамилию не запомнил... Вот, теперь знаю. Да, перевоплощается он, что надо, в жизни другой человек.

– И хорошо, что отличаюсь, потому что актер.

– Давай, не заводись, наполняй лучше, – советую я.

Сергея доливают с горочкой остатки водки, с угрюмой гримасой оценивает пустую бутылку и ставит ее под стол.

– Сейчас, гляди. – Водка в его рюмке волнуется – касается краев, вот-вот выплеснется. – Все подпили, через стакан-другой начнется правда.

Пытаюсь перебить раздухарившегося актера, бесполезно, он всем своим возмущением нависает надо мной, брызжет слюной. Остатки водки в его рюмке продолжают бушевать, словно море в непогоду. Половина пролилась.

– А еще меня все алкоголиком называют... Евреем. Да, еврей, но вы, – Сергей начинает привлекать внимание, – все трезвенники, да-да, трезвенники... До первой халявной рюмки. А потом все приставать друг к другу начнут, ага-ага, не раз видел. Семьянины да праведники. Нормально – потом

хоть будет, что обсудить, у кого с кем там отношения, не театр, а «Дом-2» какой-то. А начальство уедет. Все сразу на него жаловаться начнем. Лучше всего мы умеем возмущаться! Если бы мы так возмущались на сцене, как возмущаемся в курилке, давно бы революция случилась.

– Так, тихо-тихо. – Я дергаю за рукав возмутителя спокойствия. – Давай, выпьем и покурим лучше.

– А давай. – Серега ловко осушает рюмку.

– Закуси хоть, – протягиваю ему ломтик сыра.

– Потом. Пошли. – Актер шатаясь пробирается между столами, рукой сбивает бокал, тот катится по скатерти, оставляя красные следы вина.

На выходе мне снова попадается Вера.

– Ты куда?

– Курить.

– Может, потанцуем?

– Вер, с удовольствием, только попозже, хорошо?

– Ловлю на слове. – Верины морщины разглаживаются от улыбки.

Она большой мастер своего дела, главное – добрая, может, не со всеми, но со мной точно. Большинство моих художественных достижений – ее заслуга, она редактировала мои тексты днями и ночами, в том числе и роман «Завлит», просыпала планерки в институте, отпрашивалась, притворялась больной – все силы тратила на меня. Пробивала по своим связям для меня лучшие журналы, премии... Да, без нее

вряд ли бы у меня что-то получилось. Если бы не Верка... И будь она лет на пять младше... Хотя для своих тридцати восьми она выглядит классно – стройная, длинноногая, легкая во флирте, обаятельная, любой своей студентке с филфака фору даст. Представляю, как ученики-парни во время лекций на нее пялятся, особенно, когда она в строгой, заманчиво обтягивающей юбке. Вера Степановна поворачивается спиной к аудитории, чтобы написать на доске какой-нибудь тезис. И тогда студентам явно становится не до какого-нибудь там Вампилова или Шукшина.

Круговерть из рюмок и перекуров надоедает. Ленка занята беседами с высшими чинами.

– Но я тебе вышлю? – Незаметно появляется Левик.

– Да, конечно... На почту кидай или можешь просто «ВКонтакте».

– Хорошо... Скину «ВКонтакте».

– А вот и я. – Из кустов, застегивая ширинку, выбирается Сыч – самый маргинальный актер города – главный Есенин ближайших кабаков и пивных. Как его не выгнали еще из областного – никто не знает. Будь я директором, уволил бы в первую очередь, а на следующий день снова принял бы обратно – если его оголтелую дурь направить в нужное русло, то эффект будет точно – не факт, что спектакль с ним станет шедевром, но скучным уж не будет точно.

Мишка и Сашка – артисты муниципального театра с подозрением на него косятся. Отходят в сторону.

– Слушай, – обращается к нему Серега. – Шел бы ты лучше домой, начальство еще тут.

– Вот это прекрасно. – Сыч снимает очки, слепо щурится и тревожно задумывается. Его нескладное, высокое и худое тело безмятежно покачивается на стремительных сквозняках городской возвышенности.

– И правда, домой тебе лучше... – начинаю я.

– О, – Сыч надевает очки, приглядывается ко мне. – Епт, драматург, уже классик, а еще в здравии. Сейчас исправим. – Актер разминает шею.

– Да тише, – улыбаюсь я...

– Да что там драматург. – Он наклоняется к нам ближе, точнее, пошатывается в нашу сторону. – Ладно пьесы, мы смирились, но пришла беда откуда не ждали – начал романы писать.

– Спасибо, конечно, но тебе и впрямь домой лучше.

– Э-э-э, следи за мной – потом новый роман напишешь...

– Про что?

– Про то, как главный герой, – Сыч раскрытыми ладонями обозначает себя, – то есть я, посылает свое начальство на хуй...

Он хочет рвануться в ресторан, мы его удерживаем...

– Стоп, – Серега говорит как можно тише, чтобы не привлечь внимания. Даже он, еще недавно бушующий, на фоне Сыча кажется паинькой.

Ведем его подальше от входа.

– А ты, – показывает на меня пальцем. – Создашь для меня пьесу, я там буду играть главную роль и всех убивать.

– Создам, сочиню, сотворю...

– А не сотворишь, всех начну убивать прямо сейчас.

Сыч, улыбаясь, склоняет сонно голову. Заводим его в ивовые заросли, сажаем на лавочку.

– Может, тебе такси вызвать?

– Такси? Мне? – Сыча бьет припадок смеха.

– Что смеешься? – Серега оглядывается по сторонам. – Тебе.

– Мне? – Сыч гогочет на весь проспект.

Столпившиеся за кофейным киоском таксисты оглядываются.

– А ты? – косится Сыч на Серегу. – А ты... Тебя мы возьмем на главную роль.

– Возьмешь, возьмешь.

– А потом уволим.

– За что? – смеется Серега.

– За пьянку. А знаешь почему?

– Почему?

– Да потому, что ты алкоголик... – Сыч выдавливает из себя еще несколько гоготаний и, блаженно замерев, кладет голову на плечо. – Алкоголикам у нас места нет.

– Куда его теперь? – Я протираю тыльной стороной ладони вспотевший лоб.

– На сцену, – сквозь сон бормочет актер.

Поразмыслив, находим выход. Обхватив с двух сторон, слава богу, актер включает «автопилот». Вместе с «автопилотом» включается и радио – Сыч запевает:

Вот и осталось,
Лишь снять усталость,
И этот вечер,
Мне душу лечит...

Тащим его к служебному входу.

– О-о-о-о-о,
Зеленоглазое такси...

Заносим разрывающееся от песни тело в театр. Петляем ковравыми и мрачными коридорами в поисках гримерки. Бережно укладываем на диванчик, укрываем первым, что попадает под руку, а попадается клетчатый плед.

– Под лаской плюшевого пледа, – как колыбельную напевает Серега – забота о ближнем его значительно отрезвила.

– Нет, не то, – перебивает сквозь дремоту Сыч. И с большим надрывом оглашает пустой театр хитом восьмидесятых:

– О-о-о-о-о,
Зеленоглазое такси...
Притормози, притормози!

На полуслове смолкает. Замирает в улыбке и обретает

мирный сон.

В полумраке огромных зеркал и настенных грамот пробираемся в фойе. Через него уже возвращаемся в ресторан.

Культура города бесчинствует.

– Пошли отсюда? – говорит Серега.

Я сквозь пьяный гам подхожу к жене.

– Лен, я отойду.

– Хорошо, Платон, – с должным официозом отвечает она.

– Если что, я на сотовом, звони.

Уже выйдя на улицу, слышу голос Олеськи:

– Такси вызвала, жду... Не кричи на меня.

Спустившись вниз по улице, я беру в супермаркете бутылку текилы и лимон.

– Э-э-э, – тормозит Серега, – у меня на такое денег не хватит.

– Не волнуйся, я угощаю.

– Спасибо и, ну если не сложно, можешь еще по баночке пива взять?

– Могу...

Вечереет. Мы выбираемся к парку, на асфальте играют ветвистые тени деревьев, скамейки пусты, вдаль убегает тусклыми фонарями сиреневый бульвар. Издалека доносятся тяжелые басы, видимо молодежь припарковала машину на площади Маркса, скучковалась и курит кальян. Сейчас это модно. Тополиная высь полна птичьим трепетом, туманный сумрак женскими голосами.

Размещаемся на старой, оставшейся от Союза, лавочке. Сквозь кусты видно, как напротив уличной эстрады под лучами горбатых фонарей мужики играют в шахматы. Сколько себя помню, шахматные партии в этом месте разыгрывались всегда. Сначала играли деды, видимо вымерли, на их место пришли преемники – более молодые и не менее энергичные. Приятно знать, что, когда я в этом мире закончусь, жизнь под светом еще больше сторбленных временем фонарей не остановится, явится другое поколение, чтобы продолжить нескончаемую игру, ловящую случайные взгляды таких же, как и я, прохожих.

– Стаканчики забыли, – пеняю я сам на себя.

– Говно вопрос – из горла, что ли, не пил?

– Пил.

Сворачиваем пробку, делаем по смачному глотку, кусаем лимон прямо с кожурой.

– А я гляжу, ты хорошо живешь? – выдыхает Серега и делает глоток.

– Не жалуясь.

– Везет. У меня все наоборот.

– Знаешь, я, когда в театре работать начинал, аванс или зарплату задерживали, пешком до работы ходил.

– О, – воодушевляется Серега. – Я до сих пор хожу...

Швейцер на удивление протрезвел, речь его стала слаженнее и спокойнее.

– Знаешь, – новый хмель приятно кружит голову, язык

развязывается, – я когда-то хотел разрушить все это.

– Не понял?

– Ну, вот все, что ты видел сегодня вечером.

– И как?

– Да что-то не вышло.

Делаю глоток, передаю бутылку актеру.

– Не огорчайся, тебе, вон, любой завидует из нашего театра, да, я думаю, и из твоего бывшего тоже – заметил, с какой ненавистью на тебя глядят. – Серега ладонью поправляет растрепавшиеся кудри. – А о тебе я наслышан, звезда культурного подполья... Ты зачем свой спектакль отменил?

– Назло, – вдыхаю аромат изуродованного нашими челюстями цитруса...

– Назло? – Пауза...

Издали слышится песня:

Закрой глаза, всё постепенно,
и тебя тут никто не заменит...

– Да, назло.

– Вот это правильно.

– Мне скучно... Нет, я так всем доволен, просто хочу что-то сделать.

– А давай свой театр сделаем? А? Я так об этом мечтаю. Без всего этого говна.

– Какого говна?

– Но ты понимаешь.

– Понимаю.

Снова делаем по глотку текилы. Закуриваем. Ровный дымок одурманивает парковые заросли.

«Я устраиваю рамс, ты ставишь шах и мат...», – слышится из другого мира.

Мужики-шахматисты поругиваются. Один из них, что в качестве зрителя, громко резюмирует:

– Ну, вот и доумничался – хуй на пешку обменял.

Он поднимает голову, замечает нас – притаившихся в кустах, строящих масштабные планы.

– Что нам для этого надо? – Я прокручиваю в голове все возможные варианты.

– Ты серьезно?

– Да.

– Ну, в первую очередь нужна сцена, площадка, зрительный зал, свет, звук, более-менее пригодное для этого здание. – Серега смотрит себе под ноги, чувствуется, как в голове его ворочаются мысли. – Актеры. Ну это ладно, мы могли бы их сначала сами пригласить из других театров, кто нам нужен. Да не, ты не забивай голову, это я так сказал – помечтал.

– А если я найду тебе все это, то что? – Мой язык начинает заплетаться.

– Да не знаю что. – Серега злится. – Ты хоть представляешь, что значит театр?

– Не хуже тебя, – резко отвечаю я.

– Так ты серьезно? – Пара вопрошающих глаз восходит из темноты, Серега берет из моих рук бутылку, остервенело, без всякой меры, отхлебывает текилу. – Ты серьезно?

– Серьезней некуда.

– А тебе зачем это надо?

– А чтобы вон, – указываю рукой в сторону музыки, – говна такого поменьше в городе было.

Между нами тает лёд,
пусть теперь нас никто не найдёт.
Мы промокнем под дождём
и сегодня мы только вдвоём...

– Все-таки я тебя не понимаю, у тебя же и так все хорошо...

– А ты пока не пытайся, – с небольшим наездом отвечаю я, хотя, честно, я сам еще до конца не понимаю – зачем мне сдался этот театр? Просто какая-то потаенная мысль в голове нашептывает, что надо, а зачем? – объяснять не хочет.

Пейзажи парка в пьяных глазах обретают таинственность и заповедность. Мы, громко разговаривая, проходим мимо шахматистов и вываливаемся на бульвар. Пошатываясь, двинемся в сторону памятника террористам. Да, как ни странно, в нашем городе такой имеется – поставлен в советское время народовольцам, пытавшимся убить царя. Из темноты на свет фонарей тянутся одуванчики. По левую сторону едва озаренной электричеством кирпичной стене параллельно

нам кинолентой тянутся непонятные надписи. Попадают граффити и портреты Че Гевары.

– В нашем театре, – на удивление голос Сереги добрее, взгляд устремляется вперед, – не будет группировок из выскочек и стукачей... Бюрократии, пошлости, лицемерия, а главное – никакого тщеславия и высокомерия, в общем, всех этих актерских понтов. Никакой звездности, только искусство... И только свобода!

– Утопия. Театр без говна неизбежен, – закуриваю, аккуратно оглядываюсь – нет ли ментов. – Строить театр, где все будут честные и любить друг друга, все равно что строить коммунизм.

Серега пытается меня перебить и оспорить.

– Ты просто не знаешь. А я достаточно повидал, все может, поверь мне.

– И дело даже не в театре. – Я продолжаю свою мысль: – Ты собери просто человек тридцать в один коллектив, назначь начальников, объедини их общим делом, обязательно театром – любим. И как только начнутся первые успехи, все будет так же, как в нашей среде – бюрократия, лицемерие, как ты там еще сказал – пошлость. А главное – зависть, и еще это – острое чувство несправедливого отношения к себе. Человечество в целом и театр в частности без этого невозможны, понимаешь?

Миновав случайных пешеходов и бегущих навстречу в наушниках спортсменов, проходим небольшой мостик. На

стальных прутьях перил висят замки – глупая примета, дающая надежду на прочность браков. По тонкой воде под нами проплывают утки, слышно, как они крикают и плещутся в заваленной пластиком куге.

Из глубины посадок доносится шум баяна. Наверное, в санатории возле минеральных вод веселятся ветераны.

– Понимаю. – Серега делает снова значительный глоток из заметно опустевшей бутылки.

– Нас изуродовала провинциальная лесть восторженных пиздадуев – надели каждому по короне, только полцарства и коня в придачу не дали.

– Но мы строить будем? – спрашивает Серега, видимо, потеряв нить моего разъяснения.

– Будем... – отвечаю я, выбора все равно нет – лучше заниматься делом, чем смирением. С недавних пор я стал идейным националистом, скептиков, твердящих: «Зачем это надо?», «Это невозможно», «Я тоже когда-то хотел...», – готов расстреливать на месте.

Подходим к подножью памятника террористам, больше похожего на уменьшенную копию Стоунхенджа. Ей-богу, не монумент, а мистическое строение друидов какое-то. На каменном помосте девять напоминающих парус пилонов, наверху их объединяет большое и широкое кольцо. Кольцо, помню, рассказывали в школе на факультативе по краеведению, символизирует съезд народовольцев, спаянных единой идеей. Фамилии говорили, но я их, конечно, забыл.

– За нас! – Серега поднимает бутылку вверх.

Притаившаяся на скамейке парочка быстро встает и уходит прочь.

– Потише, – смеюсь я. – От тебя люди бегут.

– Но ты со мной?

– Нет. – Вырываю бутылку, достаю из кармана остатки лимона. – Это ты со мной.

– Ладно, мы вместе. Так идет?

– Идет.

Осушаем бутылку. Морщимся, доедаем лимон.

Никого, кроме нас. Музыка уже не слышно. В просвете тополей ясное и глубокое небо. Свет ближайшего фонаря освещает наши пьяные лица. На обратной стороне стального обода выгравировано: «Здесь в июне 1879 г. проходил съезд народовольцев». А снаружи фамилии: Желябов А. И., Квятковский А. А., Ошанина М. Н., Фроленко М... Колоткевич... Ширяева... Михайлов, Могилев... Передергивает, показалось. Подсвечиваю фонариком на телефоне. Буквы затерлись – точно фамилию и инициалы не разобрать. Но Могилев, подходит, правда... дурь... Дальше вообще пустота, место для имени свободно.

Из глубины посадок поднимается навозный ветер... Дует со стороны зоопарка.

Могилев, а попросту Палыч – главный революционер, которого я встречал в своей жизни. Он возглавлял нашу бандитскую бригаду по краже металла, когда его окончательно

прижала система – лишила всякой возможности ночью сгружать чугунные «плюшки» с проходящих поездов, Палыч перевернул целый грузовой состав и скрылся в неизвестном направлении. Но главное другое – он личным примером вдохновил меня сорвать премьерный спектакль по собственной пьесе, Палыч этого не говорил, но я уже сам додумал – лучше пожертвовать собственной мечтой, нежели сдаться. А я всем своим существованием жаждал этой премьеры. Пожертвовал... И что вы думаете? Ни разу не пожалел! Спустя считанные месяцы премьера прогремела с необычайной силой, пьесу взяли другие театры России – я достиг мечты, перескочил ее и даже успел забыть, что она для меня имела хоть какое-то значение.

– Ты что там, родственника нашел? – спрашивает Серега, беспрерывно чиркая зажигалкой. Сигарета не прикуривалась.

– Почти.

– Надо бы еще за театр выпить, а все кончилось.

– Найдем.

Не к месту надывается телефон, ясное дело, что звонит Ленка.

– Ты где был? – спрашивает Ленка.

Я заваливаюсь в прихожую, темно, в нашей комнате горит лампа. Спотыкаюсь об Ленкину выстроенную в ряд обувь. Разуваюсь, не развязывая на кроссовках шнурков.

Ленка глядит на меня, обостряя гнетущее молчание. Она

уже переоделась, стоит в коротком халатике и топает ногой. Замечаю, что под ним ничего нет. Ужасно хочется со всей мочи прижать ее к себе.

– Я тебя люблю... – единственное, что четко могу выговорить я.

– Чай будешь? – Напряжение спадает.

– Буду.

Ленка помогает мне снять толстовку, дергая за рукав, в котором я запутался. Иду по коридору на свет, цепляя стены, заворачиваю на кухню, падаю на деревянный стул. Тусклый свет быстро утомляет глаза. Давно пора сюда повесить люстру, а то уже месяц, как въехали в новую квартиру, а я все не занялся ремонтом. Ленка щелкает кнопкой электрочайника, достает из шкафчика кружки.

– Тебе с сахаром?

– Ага, с тремя ложками.

– Есть хочешь?

– Нет, Лен, спасибо.

– Извини меня. – Ленка наливает из пузатого чайничка заварку, в углу начинает булькать нагревающаяся вода.

– Что? – Я беру себя в руки, ищу в себе трезвые задатки – они, слава богу, еще имеются, чтобы меньше казаться пьяным, пытаюсь говорить медленно. – Ты извиняешься? Это же я...

– Тс-с. – Ленка прикладывает к моим губам длинный палец. – Не спорь с женой. Если я извиняюсь, значит, извиня-

юсь. Знаешь, – чувствую, как заманчиво дышит под халатиком ее тело, – я никогда же не была замужем, не привыкла быть с кем-то, я же сама тебя сегодня бросила, а ты только ради меня на этот вечер и пришел... Я все поняла. Поэтому и умчался пить с этим, как его там?

– Швейцером.

Я резко поднимаюсь на ноги, алкогольная развязанность дает куража, обнимаю Ленку со спины... Целую в гладкую шею.

– Платон, погоди, чай же...

– Как же я тебя хочу, – прикусываю ее ухо.

– Какой же ты красивый, – вырвавшись из кольца моих рук, Ленка поворачивается ко мне лицом. – И тяжелый, – улыбается, гладит меня по голове. – А я гляжу, ты трезвеешь прямо на глазах...

Поднять ее или не поднять? Трезвый бы я сделал это легко, но сейчас есть риск – от текилы, смешанной с пивом, меня может и повести. Эх, была не была. Резким движением отрываю Ленку от пола.

– Ой, Платон, поставь, ты же чаю хотел.

– Хотел.

Аккуратно войдя в дверной проем, заношу Ленку в комнату и бросаю на кровать. Разливающаяся по венам страсть разъедает алкогольное бессилие. Едва успеваю стянуть джинсы, как горячие объятия утаскивают меня в ночное сладострастье интимного извращения. Где-то далеко-да-

леко, словно на другой планете, щелкает кнопкой закипевший электрочайник.

Светает, потолок обретает белизну, а скупое пространство из шкафа, стола и компьютера – угловатые очертания. В приоткрытое окно с высоты деревьев влетает пение невиданных птиц, а снизу шум поливальных машин, поливающих улицу. Мы лежим голые и мокрые, дышим друг другу в лицо. Целуемся.

– Знаешь, – начинает разговор Ленка. – У нас все странно. Все целуются перед сексом. А мы после...

– Перед сексом целоваться нет смысла.

– Никакого.

– А еще... еще... принеси попить.

Приятно покачиваясь, иду на кухню. Из холодильника достаю минералку, наливаю две полные кружки. В одной вода сразу мутнеет. Блин – заварка, хотя мне пофиг, и так сойдет, выпью. Шаркая по остывшему полу, возвращаюсь в комнату.

– Знаешь еще, что для меня самое интересное в этом городе? – Ленка чуть приподнимается, чтобы попить, ее соски касаются края одеяла.

– Что?

– Трахаться с тобой. – Поставив кружку на пол, Ленка снова притягивает меня к себе.

Кутаемся в одеяло.

– Платон, давай в Москву уедем.

– Зачем?

– А что мне здесь делать?

– Ставить спектакли, что еще?

– А что толку? Вот, будет в середине июня у нас премьера? И в областном будет... Ну еще раз я докажу, что круче, как его ты там называешь, Француза. – Ленка сонно улыбается. – И что с этого? Конкуренции нет здесь – я, как режиссер, деградирую, понимаешь?

– А если тебе в городе появится достойный конкурент?

– Платон, да откуда он в этой дыре возьмется? – Ленка прижимается к моему плечу. – Поехали, тебе же все равно где писать, что здесь, что в Москве. А в этой дыре ты уже так все и всем доказал... А я уже договорилась, меня в хорошие там театры взять могут.

Я отмалчиваюсь, нежась в приятной дрёме. Острые коготки впиваются мне в грудь. Вздрагиваю.

– И еще, передай этой сучке, как ее там, Верочке, что если она еще раз к тебе подойдет, я ей устрою...

– Что устроишь?

– Она узнает... – Ленкины глаза наполняются суровой страстью. – Не дай бог, она к тебе хоть еще раз притронется...

Ленкины ногти расслабляются, начинают медленно и ласково царапать мое тело.

– Елена Иосифовна.

– Эй! Не называй меня так...

– Лен, я ручаюсь, будет тебе достойный конкурент.

– Кто же? – сонная улыбка сменяется снисходительностью.

– Я.

– Платон, что?

– Я сделаю свой театр...

– Что значит «свой театр»? Ты хоть понимаешь, что это невозможно?

– А еще два года назад было возможно мне лежать с тобой в одной постели? – Чувствую, что я говорю уже с закрытыми глазами.

– Платон, я знаю, ты сейчас на эмоциях... Тебе надо поспать.

– Когда, ты говорила, у тебя премьера?

– В середине, ну или начале июня.

– Вот и отлично, успею... – бормочу я уже еле слышно.

Меня накрывает тепло нежных и родных женских ладоней.

– Засыпай, мальчик мой, засыпай, – убаюкивает меня Ленка, глядя по голове... – Все ты что-то придумываешь и придумываешь.

Вздрагиваю... Переворачиваюсь на другой бок.

– Будет тебе театр, будет, спи, – слышу я и проваливаюсь в закручивающий меня детским калейдоскопом сон.

Третий в подарок

Утро выдалось солнечным и приятным, солнце обнажило сальные подтеки на стеклах балкона, намекая, что давно пора их вымыть. Ленка ушла на репетицию, а я курил в открытое окно одну за другой и думал, что теперь делать с собственным обещанием. «Создать театр?» Нет, это и правда невозможно. Погорячился спьяну, теперь оправдывайся. Проклиная свою пьяную дерзость и неосторожность, я все-таки попытался решить – с чего начинать?

Сел за ноут, вбил в поисковике: «Как создать свой театр?». Вылетел ряд ссылок: «Николай Басков создает театр», «Как создать частный театр», – первый раз прочитал – честный, «Создаем школьный театр», «Ксения Собчак: „Театр меня заново создал“», «Пошаговая инструкция по созданию театра». Кликнул. Начал читать: «Первым делом для создания театра вам будет нужна площадка и актеры»...

Блин, откинулся я на спинку стула. «И ново, и свежо»...

Можно обратиться в департамент культуры, мол, встретиться с его председателем... Хорошо хоть Седовласого сняли – заподозрили в воровстве, там новый сейчас человек, попросить для начала здание какого-нибудь захудалого ДК. Только один минус – репутация моя там оставляла желать лучшего. Хотя других вариантов нет, ну если только не арендовать площадку – на это никаких гонораров не хватит моих.

Набрал номер Юльки – знакомой девушки, она работала в департаменте секретарем.

– Платон, привет, рада тебя слышать, – послышался в трубке женский голос.

– Юль, тут у меня вопрос такой есть: председатель на месте?

– После обеда будет.

– Отлично.

– А зачем он тебе? Точнее, она.

– Она? – Только дошло, что я даже еще не узнал, кто пришел на место Седовласого.

– Да, Августина Александровна.

– Слушай, так, если честно, она нормальная? Если с ней поговорить, хоть выслушает?

– Да, очень хорошая женщина.

– А можешь мне с ней встречу назначить?

– Попробую. Заходи после обеда.

– Ты меня встретишь?

– Конечно.

– Тогда до встречи.

Короткие гудки вопреки художественному шаблону оставили надежду.

Несмотря на вчерашний алкоголь, самочувствие было прекрасное, я, быстро одевшись, вышел во двор. Детскую площадку заливало солнце, чуть дальше выгуливали собак, над головой сияли окнами многоэтажки. Я двинулся между

ними, впитывая уличную суету и весеннее настроение горожан. У подъездов кирпичных пятиэтажек меня приветствовали подкрашенными улыбками вырезанные из шин гуси, лебеди и утки. Вырвавшись к центральному проспекту, я слился с толпой горожан.

Зайдя в укромную подворотню, я стал искать номер Сыча – где-то он у меня был. Почему-то в «контактах» обозначен он как Есенин... Запомнил его в роли поэта так и записал, когда в пивной обменялись телефонами. Пишу ему эсэмэску.

Дохожу до «Русского аппетита», заказываю чай с лимоном... Пью, мысленно готовясь к предстоящему разговору.

– Она в прекрасном настроении, – улыбается мне Юлька, провожая до двери председателя. – Давай, удачи тебе.

– Спасибо.

– Все будет хорошо, – подбадривает Юлька, женское сочувствие ее украшает.

Стучусь. Захожу. Топчусь.

– Здравствуйте.

Женщина средних лет восточной наружности сидит в кожаном кресле.

– Платон, да?

– Да-да-да.

– Садись.

Располагаюсь на стуле – точно напротив председателя. Тепло прошибает пот. Язык вяжет, словно объелся алычи.

– Ну, рассказывай. – Августина Александровна говорит сухо и деловито, что обескураживает меня вконец...

– Я, это... – начинаю я не шибко хорошо, но к счастью, меня перебивают:

– Ты волнуешься?

– Да, – отвечаю я, понимая, что казаться уверенным уже нет смысла. Парадокс, никогда в жизни не робел перед чиновниками, а тут предстал словно провинившийся школьник перед строгой учительницей.

– Может, ты хочешь чаю?

Чаю, конечно, хочу! Но отказываюсь.

– Не такой ты и страшный, как про тебя мне рассказали. – Августина Александровна почти смеется – это меня чуть-чуть расслабляет.

– Кто рассказывал?

– Неважно. Даже и не верится, что ты мог спектакль сорвать. Жалеешь?

– Да, – честно вру я.

Пересилив себя, начинаю сбивчивый рассказ про то, что хочу создать свой театр совершенно нового образца, мол, для этого мне нужна площадка. Заканчиваю, пропустив половину слов и смыслов, которые я так хорошо обыграл в своем воображении, когда шел на этот важный разговор. Ощущение провала смиряет меня с бессилием. Бессилие придает уверенности. Уверенность вселяет чувство неизбежного поражения.

– Я поняла. – Августина Александровна задумывается.

Долгий стук в дверь. Поначалу кажется, что стучит мое сердце.

– Я занята, позже.

Кто-то ударяет по инерции костяшкой в дверь еще два раза и уходит. Залетевшая муха натужно жужжит, мечась по просторному цвету казенного дерева кабинету.

– Залетела, не выгнать... – отстраненно произносит Августина Александровна. – Центральный ДК тебя устроит?

Я вздрагиваю от неожиданности.

– Что?

– Говорю, Центральный городской Дворец культуры тебя устроит?

Медленные, чуть раздраженные женские слова уносят меня в перспективу чаяний и надежд.

– Да, – отвечаю четко и по-военному.

– Вот и договорились, я директору позвоню, завтра приедешь в ДК, и все с ним на месте обсудите.

– Спасибо, – не зная зачем, привстаю я.

– Итак, я еще могу чем-нибудь помочь? – спрашивает Августина Александровна с благородным официозом.

– Нет...

– Тогда давай, удачи.

Уже в дверях меня останавливает просьба:

– Будет премьера, не забудь пригласительный оставить.

– Хорошо, – отвечаю я.

И вот, еще вчера беснующийся от провинциальной культуры сам пришел к ней на поклон, и она дала мне шанс. Какой-то возмутительный парадокс! Столько актеров, режиссеров и драматургов – среди них были даже прислужники начальства – мне доказывали с пеной у рта, что хорошо бы сделать что-то свое, но как? Кто им даст такие возможности? Тот хотел – дело не выгорело, этот – не получилось, и так шло год за годом под эгидой старческого скептицизма. А мне, которому в первую очередь должны были отказать, дали «добро». Чем выше цель, тем выше должен быть прыжок. Если и обращаться к начальству, то к самому-самому. Единственная возможность выжить – это выпрыгнуть из местного варева условных вежливостей, дежурных улыбок, канцелярских отчетов, театральных властителей, бумажных творцов, нагретых вековой пассивностью мест, заслуженных, народных. Иначе тебя засосет с головой, и ничего не останется, кроме как тешить свое самолюбие грамотами, статуэтками из спорттоваров, и искать себе оправдание, ссылаясь на бескультурие горожан, безразличие чинов, географию родимого захолустья.

Распроставшись с Юлькой, пожав ей крепко руку и радушно отблагодарив, вылетаю на свет. Тротуар вымощен плиткой, я ступаю по ней, на ходу набирая номер Сереги... Записал его вчера я как – Еврей.

– Алло... Ты меня слышишь? – Улица вся в движении, шумят машины, забивают своими моторами звук динами-

ка. – Алло, слышишь?

– Это кто?

– Платон...

– А, Платон, понял.

– Занят?

– Только репетиция закончилась.

– Тогда подходи к «Часу Пик», я тебя там буду ждать...

– А что такое?

Чуть ускоряясь, я перебегаю улицу на светофор, обгоняю двух засмотревшихся в экраны своих смартфонов девушек.

– Театр наш обсудить надо.

– Я ничего не понял... Через минут двадцать буду.

– И что нам теперь с этим делать? – Серега делает мелкий глоток пива из бокала, похожего на большую рюмку.

– Ну ты же хотел. Больше у нас шанса такого не будет – надо воспользоваться.

Худошавый официант в белой рубашке приносит жареные креветки, застывает над нами, но не перебивает, распираемый от нетерпения все-таки ожидает паузы. Дождавшись, начинает заранее заготовленную речь:

– У нас сейчас акция, при покупке двух шотов текилы, третий идет в подарок.

– Берем, – машет рукой Серега.

– Хорошо. – Официант удаляется гордой походкой победителя.

– Все просто, – поясняю я. – Премьера в середине июня.

– Что? – От возмущения Серега давится пивом.

– Так сказали, – вру я с чувством полной правоты – если не ограничить себя временем, то все пойдет на самотек, да и Ленке я обещал конкуренцию.

– Это невозможно.

– У нас нет выбора.

– У нас еще нет пьесы, что ты собрался ставить?

Серега злится, его нервозность переходит на меня. Блин, куда я так разогнался? И впрямь же ничего не готово. Что на меня нашло? Чему я радуюсь, что такими темпами выйдет спектакль, его посмотрит пара зрителей – скорее всего, родственники актеров, и все... Тут не с Ленкиным театром конкурировать надо, а с каким-нибудь ДК «Радуга» из Козловска, куда порой наши коллективы возят свои постановки, чтобы порадовать неискушенного зрителя глубинки давно устаревшим для нашего города шедевром.

Над головой гудит вентилятор, тени винтов вращаются по столу словно рулетка. За стеклом шум дороги, мелькают головы пешеходов. Пятница – люди раньше времени спешат с работы домой. Я разламываю креветку, снимаю с хвостика чешую, гляжу на Серегу. Тот отстраненно пьет пиво.

– Креветки хочешь?

– Нет. – Серега прочно ушел в себя.

– Режиссером будешь.

– Режиссером чего?

– Завтра пьеса будет готова.

– Этого не может быть.

– Может.

– А с чего ты решил, что она мне понравится...

– Просто поверь, понравится.

– Да у меня гастрологи еще в мае, понимаешь? – Новая волна возмущения охватывает Серегу. – Когда? Скажи, когда?

И с кем?

Официант приносит три обсыпанных солью рюмки текилы и блюдечко с дольками лимона, пронизанных миниатюрными шпажками.

– Вот, это ваше, – зачем-то говорит официант...

– Должен быть лайм, – актер срывается.

– Извините, пожалуйста, лайм закончился. – Официант возмутительно спокоен. Белый ворот, черный фартук и нарукавники, точно такие же нас заставлял надевать красноносый трудовик перед своими уроками. – Но зато у нас акция...

– Берем, – тут же перебивает Серега.

– Хорошо. – Официант тут же удаляется, словно и не появлялся.

– Это хочешь сказать, ну, в смысле, я буду режиссером?

– Да. – Я вытираю салфеткой руки, испачканные креветочным соком. – Ты будешь режиссером.

– Ты мне так доверяешь?

– Да. Ты будешь даже худруком.

– Ах, даже худруком! – иронизирует Серега.

– Да. Под моим присмотром.

– А ты кем будешь?

– Директором.

Словно из-под земли возникает официант – сначала его улыбка, белый ворот, а дальше он целиком. В его руках поднос, на котором три рюмки.

– Что это? – истерически хохочет Серега.

– Коктейль «Боярский», – с чувством полного достоинства аргументирует официант.

– А, Боярский, отлично... – пародирует голос всем известного советского Д'Артаньяна.

– Да мы еще текилу не выпили, куда нам столько? – спрашиваю я.

– Сегодня все выпьем, сегодня все можно. – Серега явно вошел в роль мушкетера. – Сегодня мы театр открываем, меня худруком назначили. Сегодня можно.

Официант пытается начать речь, но тут же его перебивают:

– Так, что там есть по акции? – Серега не дает сказать и слова. – Берем.

– Все?

– Все!

Текила пьется легко. Третью рюмку разливаем по двум пустым и тут же опрокидываем. Переходим на коктейль «Боярский», распиваем по такой же системе. Только не закусываем лимоном.

Звук уведомления... Viber. Пишет Ленка: «Ты зачем сегодня ходил в департамент?». Что за жопа? Ей уже доложили. Юлька своя – не могла. Вроде никого и не видел, кроме охранника и нескольких неизвестных женщин.

– Серег. – Я ставлю локти на стол.

– Да.

– Ты же знаешь, что тебя здесь ждет?

– Знаю...

– Ты через два-три года начнешь пить еще сильнее.

– Знаю, – подавленно и зло отвечает Серега.

– Ты сопьешься к сорока.

– Знаю.

– Ты пойми. – Я отодвигаю тарелку с лимонными корочками. – Честно, в своем театре ты и так все и всем доказал, тебе скучно. Я вижу же. Для тебя это уже не театр – а конвейер.

– Ты не актер, тебе не понять.

– Слушай. – Я делаю глоток пива из Серезиноного бокала. – Выключи актерский пафос. Ты же не актриса какая-нибудь эта... – Фамилию хотел назвать вслух, но опомнился, не назвал... – Ты, кстати, тоже почти не актер.

– А кто?

– Худрук.

– Пойдем, покурим. – Серега хлопает меня по плечу.

На выходе сталкиваемся с нашим официантом – повелителем всех возможных акций – третья в подарок. Он как раз

появляется из кухни с большим подносом. На нем куски баранины, три бутылки вина, овощная нарезка, маслины, корзина с фруктами и сыром.

– Это кому? – усмехаемся мы.

– Вам.

– Нам? – Серега бледнеет.

– Все по акции, – улыбка официанта непробиваема.

– Ладно, – закуриваю у стеклянных дверей, отражающих город. – Это нам отметить твою новую должность.

– Итак – нас двое, – аргументирует новоиспеченный худрук.

– А у нас акций случайно никаких нет?

– В смысле?

– К нам двоим третий в подарок.

Вибрирует телефон. Снимаю блокировку. Эсэмэска. Читаю, улыбаюсь. Перечитываю вслух – сначала свое сообщение, потом ответ:

«Ты живой? Все хорошо? Готов поработать в моем театре?»

«Всегда готов, заслуженного и геморрой лет через тридцать не предлагать, обойдусь сиюминутной соткой – на полтинник фениксом из праха не восстать».

– Акция работает.

Народный Микки-Маус Америки

Снова белая пустота Worda, экран освещает комнату. Чуть слышно включаю известную песню из фильма про мушкетеров. Крепким чаем выгоняю дневной хмель. Ставлю кружку на литературный журнал «Урал». Пытаюсь вбить название новой пьесы.

Ленка ворочается за спиной.

– Платон, поздно, давай спать.

– Лен, спи, мне надо кое-что написать.

– Но ты можешь написать завтра.

– Могу. Но надо сегодня.

– Платон, – томно тянет Ленка – играетя. – Я тебя так хочу...

Нащупываю нужную тему для пьесы – она всплывает сама собой.

– Платон...

Оборачиваюсь, Ленка тянется из-под одеяла, гладит меня по щеке, развеивая всю мою сосредоточенность:

– Вот, ты снова небритый... Иди ко мне, я за целый день по тебе вся истосковалась.

Ее грудь с алыми сосками манит меня в теплую, нагретую женским теплом кровать. Ленка, сучка такая, гладит свой плоский животик, поднимается выше, устоять невозможно.

– Платон, мне придется подать на тебя в суд – ты не хо-

чешь исполнять свои супружеские обязанности.

– Лен, завтра я исполню их вдвойне.

– Зачем тебе сейчас новая пьеса? – Ленка жгучим соблазном появляется за моей спиной, массирует мне плечи, заглядывает в монитор.

– «Марш одноногих»... Ммм. Это будет новая пьеса?

– Да.

– Но у тебя их и так уже много, зачем новая?

– Лен.

– Куда ты торопишься? Я раньше осени ее не поставлю, ты же знаешь. – Ленка губами щекочет шею. – У меня же в июне премьера по Некрасову.

– Да я знаю.

– А куда ты так гонишь тогда?

– Я обещал написать пьесу к утру.

– Кому?

– Себе.

Ленка резким движением отстраняется от меня. Жар ее нежности растворяется в полумраке. Кровь отступает – возвращается в голову.

– Я знаю, что ты хочешь. Почему ты не можешь выкинуть эту тупую идею из головы?

– Тупую? – Я делаю мелкий глоток остывающего чая. – Ты в меня не веришь?

– Не верю.

– Все ясно.

– Нет, в смысле верю... И всегда верила, даже когда не знала.

– Вот этого не надо.

– Ты не спорь, – жесткие Ленкины интонации навевают ностальгию – первую мою театральную осень. Она еще не занимала должность художественного руководителя, а была просто приезжим режиссером – ставила «Кармен», а я молодым, вторую неделю как зачисленным в штат театра, завлитом – руководителем литературно-драматической части. Мне надо было взять у нее номер – этого требовала моя должность; чтобы быть всегда на связи. Я так волновался, даже не знаю почему, что вбил нужные цифры только с четвертого раза.

– Ты что, писать не умеешь? – вырвалось у нее злобно.

Она смотрела на меня с высоты ступеньки как на что-то такое... Как недостойное слов, низшее по разуму существо, которое по благу перепрыгнуло сразу две ступени эволюции – из «человека умелого» в *Homo sapiens*.

Ленка тогда стыдилась со мной лишней раз соприкоснуться взглядом... А я презирал ее лоб и дурацкий еврейский нос. В общем, страсть между нами наметилась сразу.

Воспоминание рождает улыбку – вот ирония судьбы, в кино не придумаешь... Та самая Елена Иосифовна – известная режиссерша из Москвы, строгая, легко и непринужденно захватившая власть во всем театре, – моя жена, и я могу ее называть Ленкой; и у меня теперь целых три ее номера.

– Я всегда в тебя верила, глупый. – Ленка ложится в кровать, кутается в толстое одеяло. – Если бы не верила, не стала бы твою пьесу ставить.

Это она про «Муагил», может, тут она и честна. Ленка вопреки возражениям всего начальства (для всех стало неожиданностью) взяла и приступила к реализации моего текста на сцене... Пьесы молодого автора, который даже года еще не проработал в театре и не имел никаких заслуг, ну не считая пары положительных отзывов в интернете по нескольким рассказам на «Прозе.ру».

– Зачем ты ходил в департамент?

– Ты же знаешь.

– Ты слишком серьезный человек, чтобы тратить время на такую ерунду.

– Лен, – говорю с небывалой для себя нежностью – тщетно, тут же получаю отпор:

– Спокойной ночи. – Ленка поворачивается лицом к стене.

Чем она так недовольна? Да фиг поймешь этих женщин, тем более если она режиссер, а что еще хуже – твоя жена.

Из приоткрытого окна доносится аромат ночи, чай почти остыл, я гляжу на название пьесы – «Марш одноногих», очевидно, что это аллюзия к Довлатову. Поэтому смело беру эпиграф из его произведения: «Передо мной лист бумаги. И я пересекаю эту белую заснеженную равнину – один».

На следующий день мы выдвинулись в городской ДК. У Сереги почти вся неделя была свободна – с репетиций нового спектакля его сняли за систематические опоздания, а ближайшая репертуарная постановка была назначена только на четверг.

Городской ДК ютился на окраине левого берега, где заканчивались советские общежития для рабочих тракторостроительного завода и начинался сосновый бор. Последний раз я здесь был еще ребенком – родители привозили на новогодний утренник, помню, как дотошный Дед Мороз с торчащими из-под короткой шубы кроссовками Adidas заставлял детей читать стихи и водить хороводы вокруг елки.

Погода приветливая, солнца умеренно, дождя не намечалось. Мы курили на углу свежеразкрашенной детской площадки, оценивая архитектурный отпечаток забытой империи. Круглые колонны подпирали каменный фронтон, незатейливо украшенный лозунгом: «Крым наш». Видимо, транспарант остался еще с восемнадцатого марта – на каждой площади района проводили митинг в поддержку полуострова, сгоняли всех бюджетников и находящихся не в смене заводчан, особо неудобным вручали плакаты и знамена. Помню, как злилась Ленка, что из-за этого митинга у нее срывалась важная репетиция.

Центральный вход оказался закрыт, обходим здание с другой стороны, где-то должен быть служебный вход. Да уж, ДК огромный – раза в два больше моего бывшего театра, развер-

нуться здесь можно, будь здоров. Один минус – жопа мира, а перспектива превратить переполненное левыми кружками учреждение в театр, думаю, имеется.

Поднимаемся по ступенькам служебного входа, открываем бронированную дверь, нас втягивает в тусклое фойе больницы цвета. Пахнет кофе и валерьянкой. По бокам ряд откидывающихся кресел и кофейных аппаратов. На каменных подпорках распечатки А4 «Киокушинкай (секция карате) – воспитай силу, воспитай личность, воспитай дух...».

В углу небольшая вывеска – «Ателье». Дверь открыта. Видно, как грузная женщина дремлет на стуле возле большого красного полотна. В руках у нее ножницы, которые вот-вот выпадут из сонных пальцев.

– Да уж, – вздыхает Серега. – Это не Рио-де-Жанейро.

– Вам кого? – из своего деревянно-стеклянного закутка поднимается сонная вахтерша. За ее левым плечом на погнутых гвоздях висит множество ключей, по правую сторону мерцают новенькие экраны камер слежения.

– Здравствуйте, нам к Азиму Газизовичу.

Имя директора специально поглядел еще вчера в интернете, а утром на всякий случай зафиксировал «ВКонтакте», отправив себе самому сообщение.

– А вы кто? – Вахтерша оглядывает нас, обеспокоенных какой-то внезапно навалившейся неловкостью.

– Мы из департамента, у нас встреча.

– Хорошо-хорошо. – Нас одаривают усталой улыбкой. –

Он у себя.

– А куда нам?

– А вот. – Она аккуратно показывает направо. – Вон дверь у окна.

Проходим по указанному маршруту, в приемной нас встречает постного вида девушка неопределенных лет, с определенно черными волосами. Я читаю по сотовому:

– Азим Газизович у себя?

– У себя, – выплевывает секретарша, а дальше, снова погруженная в бумаги, делится с нами, видимо, накопившимся за годы работы возмущением: – У нас выходной, если что. Могли бы в понедельник прийти. И так меня в субботу заставляют работать. И все из-за таких, как вы.

Почему из-за таких, как мы, ее заставляют работать, мы так и не поняли.

Стучусь в желтую едва приоткрытую дверь, слышу:

– Да-да.

Кабинет директора ДК просторен, насквозь пропитан солнцем. На замысловатых извилинах полок сверкают статуэтки и кубки. Особняком возвышается золотистая копия «Оскара». Край стены сплошь завешан медалями, грамотами и фотографиями былых свершений. Торцом к дивану длинный стол, на нем, как солдаты – лицом друг к другу, принявшие позицию «упор лежа», дипломы в деревянных рамках. Экран громоздкого телика заставлен картиной – вечеряющие куши и хрустальное озеро, отражающее закат и

дальние горизонты. Кофеварка, холодильник, микроволновка – все атрибуты начальника, который может завтракать, обедать, ужинать, не отрываясь от дел. Это мне нравится, люблю таких.

Азим Газизович выглядывает из-за монитора, разворачивается на кресле в нашу сторону. Вопреки имени и отчеству перед нами предстает пожилой человек совершенно русской внешности. Никакого Востока, никакого Кавказа – средне-славянские нос и глаза, размеренные жесты – лишённые всякой национальности.

– Здравствуйте, я вас и жду, располагайтесь.

Усаживаемся на диване.

– Итак, давайте, начинайте, что вы хотели мне предложить?

– Вам же Августина Александровна звонила... – хочу объяснить я.

– Звонила, ну и что? Еще раз повторяю: что вы хотели мне предложить? – Легкое возмущение приоткрывает в нем восточный темперамент.

– Хотели на базе вашего ДК сделать театр.

– Этим вы меня не заманите. Вы неправильно ведете разговор. Сейчас ваша задача меня заинтересовать. А на счет театра, вы знаете... Вы знаете, что на базе ДК у нас сейчас четыре театра?

– Нет.

Чувствую Серегино недоумение. Меня охватывает стыд,

что я всего наобещал, уговорил, а тут такое. Авторитет мой падает. Да еще и этот мандраж – все-таки передо мной человек, от которого зависит сейчас наше благое начинание.

– Вот, знайте. Обернитесь.

Мы, как сидели, так и сидим – и так все прекрасно видно.

– Видите эти грамоты? Наши театры областные и российские фестивали выигрывали и международные, дипломы от министерства культуры имеются, если вы не знали. Подойдите, поглядите поближе. У нас в Дворце культуры функционируют театры «Радуга», «Росинка», детская студия «Кудельки» и творческое объединение «Коллективная трезвость».

Я лишен дара речи, сказать мне нечего. Азим Газизович вглядывается мне в глаза, засасывая в рутину собственного восхищения от своего культурного детища.

– Также у нас около двадцати коллективов, с которыми работают настоящие профессионалы, – народный хор «Висельки», танцевальные группы «Танцы-пляс», «Куролес», ансамбль цыганского фольклора.

Моя голова вздрагивает от каждого слова, как от удачного апперкота. Отдышаться бы. Но удар за ударом обрушиваются на меня. Захваченный феноменальным безмолвием я продолжаю кивать, как завороченный.

– Школа мажореток «Гусар», а еще секция карате, в которой лучшие тренеры работают – «Воспитай силу, воспитай личность, воспитай дух...», поняли?

Нокаут неизбежен...

– А еще, если вы не знали, а я уже понял – вы не знали. Мало вы что, молодые люди, знаете... В ДК развивается новый театрализованный проект, посвященный году экологии, – «Смерть мусору».

Первая и единственная мысль – валим отсюда; понаобещали кисельные берега и молочные реки, а тут вот вам – кладбище детских талантов.

Неожиданно глаза директора становятся печальными. На время омоложенное гордым энтузиазмом лицо снова покрывается морщинами. Наступает долгожданная тишина. Слышно, как под потолком жужжит муха. Внутри теплеет, интуиция подсказывает, что сцена ДК под спектакль почти наша...

– Театр, – как ребенок слово «мороженое», произносит Азим Газизович...

– Да. – Я пользуюсь подавленностью руководителя. – Настоящий профессиональный театр со своим репертуаром.

– Репертуаром? – Лицо Азима Газизовича преобразается.

– Да, репертуаром.

– И как мне доложили – первый спектакль будет готов уже в середине июня?

– Да.

Сергея хочет возмутиться, но я умышленно не даю ему ничего сказать – я уже догадываюсь, что он сейчас запротестует про слишком короткие сроки.

– Да, будет готов в середине июня, спектакль сделаем та-

кой, какого город еще не видел.

– Но лето же, месяц не театральный, все по курортам и дачам разбегутся, может так получится, что зал не соберется?

Чувствую на себе внимательный взгляд.

– Надо рискнуть. – Такие слова говорить на переговорах недопустимо, но я и не записывал себя в дипломаты – будь что будет.

– А вы понимаете, что такое театр?

– Тс-с-с, – шепчу Сереге, тот багровеет, шипит, беззвучно прожевывает раздражение.

Азим Газизович продолжает:

– Это же не только актеры, режиссеры, драматурги... Понимаете?

– Понимаем, – отвечаем хором.

– Это свет, звук, кстати, у нас лучший звукач города... Да такого даже в театрах не найти. А оборудование световое новое. Вбиваешь программу, и оно само все делает.

– Отлично, – перебиваю я. – Так вы даете площадку?

Муха продолжает кружить. Рано они в этом году очнулись. А что такого, глобальное потепление, весна с каждым годом приходит все раньше.

– Когда-то... – директор вместо ответа погружается в ностальгию – до нас ему, кажется, уже нет дела. – А вы знаете, что у меня есть медаль от Диснея? – ответа нашего ему, конечно, не требуется. – Не знаете, а вот я вам сейчас расскажу...

– Народный Микки-Маус Америки, – скрепит зубами Серега.

– Я придумал запахи... – директор бодрится, как похмельный после ста грамм. – Был в Диснейленде, катался на карусели, ну аттракционе... Типа попадаешь в пасть динозавру, и тебя внутри его возят на вагончиках. Ну, а выезжаешь... Вы понимаете откуда выезжаешь. И вот нас этот вагончик тащит – ветер в лицо, все трясутся. А я еду и говорю: «А мне не страшно». А кругом немцы, эстонцы, чехи, американцы, англичане, эти, как их, румыны... И они у меня спрашивают: «А почему тебе не страшно?». А я говорю: «Не верю... Все неправда... Не хватает запаха для убедительности... Дайте запаха, тогда испугаюсь». И выхожу я, значит, из этой вагонетки американской, а все такие говорят билетеру, вон, он сказал, и на меня показывают, запахов не хватает «динозавру» для убедительности. И я киваю, мол, да, не хватает. Так меня через три дня вызвал к себе сам Уолт Дисней, говорит, – тут Азим Газизович начинает изображать диалог в лицах: – «До меня дошли сведения, что тебе не хватает запахов». Отвечаю: «Не хватает». «Это ты, дорогой, верно подметил, вот как раз и мне запахов не хватает... Будут тебе запахи, обещаю. А за придумку и замечание дельное тебе медаль полагается, тут, брат, уже не отвертишься».

Азим Газизович замирает в блаженной паузе. Мир недвижим и прекрасен, солнце размывает стены, полки, грамоты, кубки, статуэтки и даже «Оскара». Только яркой точкой,

пуская солнечный зайчик в прозрачный потолок, сияет одна из медалей.

Жужжание мухи возвращает Азима Газизовича к жизни. Перед ним две угрюмые рожи – моя и Серегина, никакого Диснея. Улыбка сползает с лица, пот воспаляет морщины.

– И что будете ставить? – по-будничному спрашивает руководитель.

– «Марш одноногих»...

Орденосец, на удивление, восторгается.

– Великолепно! Марш одноногих... Это как раз про меня, – неожиданно выдыхает он.

И нам дали площадку! Да, нам дали площадку, точнее – сцену городского ДК.

Вопреки здравому скептицизму наш театр – без имени и без документов – открыл свою историю.

И все началось не с вешалки, все началось с текста, может быть и бездарного, сочиненного на скорую руку, но текста – пьесы «Марш одноногих». И снова новые герои, да что там греха таить, эти герои – мы, гордо идущие по жизни маршем в дружном одиночестве, перед которым равны все, даже те, у кого есть медаль от самого Диснея.

«Смерть мусору»

Оглядываем с Серегой зал, старые кресла из партера красной волной восходят к галерке. Над головой огромный канделябр, такой был и в моем бывшем театре – советское наследие, ничего не поделаешь. «Светить всегда, светить...». Сцена то, что надо – просторная, чуть поменьше чем в областном и в разы больше и глубже, чем в городском. Кулисы, падуги, задники имеются, круг тоже, только зачем-то он заклеен скотчем. Зал человек на пятьсот – не меньше. Вот теперь бы еще его собрать...

– О, – Серега смотрит на софиты. – А свет тут дай боже можно накрутить.

– А у нас, – неожиданно из темноты кулис раздается голос Азима Газизовича, – самое передовое световое оборудование, автоматизировано...

– Колонки сносные. – Серега бьет по корпусу одной из них, как по крупу лихого коня.

– А у нас, – из-за запрятанного пианино, перекрывающего выход, появляется директор, – самое передовое музыкальное оборудование, автоматизировано.

Блин, не может быть, все слишком хорошо.

Вибрирует телефон, пришла эсэмэска от Веры. Я ей скинул пьесу на редактуру, попросил как можно быстрее обработать. Она обещала к вечеру, но снова превзошла все ожи-

дания...

«Платон, привет. Я прочитала, кое-что поправила, отправила тебе на почту. Но текст еще сырой, видно, что торопился».

Я набиваю на мобильнике: «Большое спасибо», хотя этого мало – слишком скупо, но что мне еще сказать?

А что текст «сырой», ничего страшного, по ходу репетиций подсушим, все равно же сами ставим.

Азим Газизович, пока Серега остался досматривать сцену, вызвал меня в кабинет. И начал в приоткрытую дверь кричать секретарше, мол, позови тех, позови этих. Сначала пришли художники – пожилая женщина достойного вида и молодая девушка в черном с зеленой прядью в черных волосах.

– Знакомьтесь, – директор указал на меня. – Павел.

– Платон, – исправил я Азима Газизовича.

– Да, Платон... А это Лидия Сергеевна и Катя. – Кто из них кто, я понял сразу. – У нас новый театральный проект тут начинается, прошу оказать активное содействие. Скинешь им пьесу?

– Скину, – приободрился я.

Художники хором продиктовали свой рабочий емэйл и ушли.

Дальше был лысоватый мужик, активно изображающий трезвость. Зачем его пригласили и какую он может оказать нам помощь я так и не понял. Мы пожали друг другу руку, не назвав имен. На этом все и закончилось. Следом, до это-

го топчась в приемной, появилась бодрая женщина в очках неопределенных лет и неопределенного характера. Мы познакомились.

– Платон, – представился я.

– Елена Платоновна, – представилась она.

– Вот этому человеку ты можешь доверять, – резюмировал Азим Газизович, даже не назвав ее должности.

Закончила парад знакомств мощная бабища, щедро одаренная вульгарной полнотой, похожая, как мне показалось, на Пугачеву. Директор ей, как и другим, поведал о грядущих планах.

– Театр? – произнесла она брезгливо... – Зачем нам театр?

– Как это зачем? – обиделся Азим Газизович.

– У нас и так их целых четыре.

Алевтина Васильевна смерила меня взглядом. Я улыбнулся: «Ну, что пялишься? Не таких обламывал!»

– Знакомьтесь. – Директор разрядил обстановку, как говорится – вынес мяч в аут. – Это Павел.

– Платон, – совсем не обижаясь, поправил я.

– Да, Платон, а это... – Он робко указал на обезображенную недовольством хабалку: – Наш художественный руководитель – Алевтина Васильевна.

– Очень приятно, – не двигаясь с места, покривилась она.

Все с ней понятно... Напиши я роман про все это наше дело, такую героиню, как Алевтина Васильевна, критики сразу же окрестили бы одноплановой, примитивной, од-

нообразной, «персонаж без развития», не сложно структурированный образ художественной литературы, а просто типичный злодей какой-нибудь трешевой комедии. Ну и пусть, хоть убейте. Но не всем же суждено метаться между добром и злом, многие из нас давно уже свой выбор сделали, ни на секунду не усомнившись в своей правоте.

– Пьесу вечером вышлю. – Я беспрерывно чиркаю зажигалкой, выходим из служебного входа, за небольшой парковой начинаются сосны. Несколько тропинок уводят в разные стороны.

– Не нравится мне этот танцопляс. – Серега, прикрывая зажигалку от легкого ветерка, подносит огонек к сигарете.

Удаляемся по левой тропинке в хвойную тишину.

– Кто?

– Да этот, Микки-Маус.

– Мне тоже. Но ты других не видел. – Перед моими глазами всплывает лицо Алевтины Васильевны.

– Кого?

– Увидишь и поймешь.

На адреналине грядущих свершений берем в маленьком магазинчике по две бутылки «Пикура», забираемся в сосновую глушь. Располагаемся на толстоствольном упавшем дереве, окруженном внушительной и шумящей жизнью листвой.

– Свины. – Серега пинает пластиковый стаканчик.

Живописный пейзаж заповедного тракторного района портят пластик и недоеденные упаковки от печеночного паштета.

– Год экологии, блядь, – на удивление для себя, заво-
жусь. – Какой, нахер, год экологии? Какой, нахер, театрали-
зованный проект? Тут мусор за собой убрать под боком не
могут!

– Смерть мусору. – Серега достает из многочисленных
карманов своей жилетки (такую я называю – на все случаи
жизни) бутылку пива, открывает ее зажигалкой... протяги-
вает мне, вынимает другую.

– Спасибо. – С еще не испарившимся потом от недавно
дописанной пьесы, утомленный бессонницей и эмоциональ-
ной чередой встреч делаю заветный глоток; пиво приятно
дурманит... Осушаю бутылку чуть ли не разом.

– Что с пьесой?

– Говорю же, вечером вышло.

– Хорошо... Сколько хоть в твоей пьесе актеров?

– Пять.

– Нормально...

– Ну, вот, – оглядываю наш отъединенный от внешней
жизни уголок, – кабинет у нашего театра уже есть.

– Вот здесь, – Серега привстает, показывает на одну часть
шершавого дерева, – кресло худрука, а здесь, – хлопает ла-
донью по другой стороне, – твое – директорское.

– Как тебя по отчеству?

– Макарович.

– Итак, Сергей Макарович, не соизволите ли угостить директора театра сигареткой?

– А тебя?

– Сергеевич.

– Хорошо, Платон Сергеевич. – Серега достает из очередного кармана пачку, бьет по ней. – Надеюсь, вы такие курите. А то, я понимаю, вам же, директору большого и перспективного театра, всякую дрянь вдыхать статус не позволяет.

– Спасибо. – Вынимаю выдвинутую сигарету.

– Не обессудьте, Платон Сергеевич, какие есть.

– А знаете что, Сергей Макарович, художественный руководитель большого и перспективного театра.

– Что?

– А не пошли бы вы нахер.

Настроение поднимается, а жизнь налаживается. Наш вероломный прорыв в городскую культуру, думается мне, уже достоин уважения. Хотя сдалось нам чье-либо уважение! Кто нас уважает – наши театралы? Не думаю, они себя-то толком уважать не научились, не то что других.

Само собой, назревает вопрос: «Что дальше?»

В промеляках шуршащей на ветру листвы мелькает синими полосками «уазик».

– Мусора. – Я поддвигаюсь ближе к раскидистому кусту.

– Да уж, несладко им в год экологии приходится. – Серега швыряет пустую бутылку в кучу отходов.

– Зачем? – упрекаю я.

– Да тут и без нас грязно.

– В собственном кабинете сорить – как-то совсем не похристиански.

– А я атеист.

– «Смерть мусору». – Поднимаю бутылку и навязываю Сергею.

– Ты директора не включай.

– А ты дурака...

– Ну, раз смерть, так смерть... – чуть посопротивлявшись, произносит он и кладет тару в один из карманов.

– Завтра начинаем набирать команду. – Я шурюсь от пробившегося сквозь деревья жаркого, непрерывного солнца, которое с первых же страниц приключенческих романов всегда предвещает долгую и трудную дорогу.

Библиотекарь

– Слушай, а почему сразу завлит? У нас еще актеры не все подобраны. – Серега обходит песочную рытвину прямо посреди дороги. Проспект на ремонте, мокрые от пота нерусские рабочие в желтых жилетках на голое тело, перегорев опасные зоны веревочкой, снимают отбойниками и лопатами старый асфальт. Все шумят и матерятся. Неподалеку орудует техника. Из желтой кабинки катка тянется сигаретный дымок. Видно, как там напряженно ворочается голова в оранжевой каске, под которой подразумевается азиатский прищур.

– Завлит – это основа театра. – Я перепрыгиваю очередную канаву, по еще не раскученной рабочими второстепенке уходим в сторону «Пятерочки».

– А ты сам писать статьи про нас не можешь, что ли?

– Могу. Но, как он, не умею... Он фанат. Он может писать постоянно.

Заходим за магазин, ремонтная суета скрывается за домами. Дворики хрущевских пятиэтажек опрятны и чисты – размашистые тополя, самодельные урны из коробок, лавочки, детские качели и лебеди из покрышек. В отличие от новостроек нашего города, тут еще не вымерли все старушки, которые, спасаясь от скуки, следят изо всех сил за порядком в своих последних пристанищах.

Двигаемся по тенистому тротуару.

– А кто он?

– Библиотекарь, полгода назад познакомились в книжном магазине, ну пошло и поехало, начали книгами обмениваться.

Сразу вспомнилось, как стоял я у полки американской литературы... Какое-то время был на ней помешан. Особенно на книгах про Вьетнам, Первую и Вторую мировую. Слышу голос:

– Вот эту возьми, не пожалеешь. – Он показал мне на трилогию Джеймса Джонса.

Постулаты страниц по пятьсот каждый оказались что надо... Так мы и сдружились.

Когда он давал мне читать свои рецензии на изученные им романы и рассказы, я офигевал, многие из них были лучше, чем сами произведения. Я ему говорил, мол, с таким пониманием художественности и чувством текста тебе бы завлито идти работать или куда-нибудь в рекламу, на крайний случай журналистом, цены бы тебе не было. На что Алексей махнул рукой, мол, я библиотекарь – моя главная цель – предлагать людям хорошие книги, и точка.

– А он куда свои статьи или аннотации пишет? – возвращает меня в реальность Серега.

– Никуда. Просто пишет. Мне дает почитать... Эссеист, примерно так.

– Это настораживает. Библиотекарь. Терпеть таких умни-

ков не могу – доверяя к ним никакого.

– Этого стерпишь – вот увидишь...

– Главное, не тупил бы, а то, ты знаешь, я резкий.

– Отлично.

– Что отлично?

– Что резкий.

– Эссеист, блин... Ботаник, наверное, какой-то, с таким точно не сработаюсь.

– Отлично, – повторяю я.

– Да что отлично?

– Что с ботаником ты не сработаешься.

– Библиотекарь. – Лицо актера кривится от пренебрежения. – Долго еще? – спрашивает он.

Проходим мимо киоска «Табак» с дверцей на торце.

Взмокшие от пота останавливаемся покурить, дым медленной паутиной путается в низкие косматые деревья.

– Почти пришли.

– Может, по пиву?

– Не, он терпеть не может алкоголь.

– Да на хрен он тогда нам вообще нужен? – взрывается

Сергея.

– Нужен. – Утираю лоб рукой. – Если его фанатизм запустить в нужное русло, он информативным потоком любой театр перебьет.

– Как?

– Увидишь... Да связи у него нехилые имеются.

– У него?

– У него.

– А что же он тогда нигде не печатает свои эти рецензии?

– Из принципа.

Обходим яблонево́е заросли, останавливаемся у стальной двери третьего подъезда кирпичной пятиэтажки. Гляжу на цифры домофона.

– Ну, набирай, – торопит Серега.

– У него нет домофона.

– Час от часу не легче.

Звоню ему на сотовый:

– Лех, мы внизу, открывай.

– Я тебя понял, – слышу ответ на том конце.

Замечаю сообщение в Viber. Ленка.

«Извини, я сегодня погорячилась, мне не надо было так с тобой говорить».

Конечно, не надо было. А то с утра разругались, как дураки, Ленка начала свою песню:

– Зачем тебе это надо, зачем? Ты замараешь свою репутацию... Ты представляешь, какую премьеру я готовлю? По Шекспиру! «Ромео и Джульетта»! Трехчасовую! В спектакле почти тридцать актеров! Бюджет больше двух миллионов!

– Постой-постой, – растерялся я. – Ты же хотела скромную постановку по Некрасову, деньги сэкономить, мол, областной все равно ничего путного не придумает.

– Планы, Платон, порой имеют свойство меняться, – ска-

зала Ленка в сердцах и, оставив после себя аромат недопитого кофе, пошла в ванную краситься.

Дверь открывается. Выходит Библиотекарь.

– Привет, Платон, – жмет мне руку. – Алексей, – протягивает ладонь Сереге.

– Сергей, – несколько теряется актер. Взгляд его озадачен и тревожен.

– Проходите, – говорит хозяин и, звеня ключами, заводит нас в сумрак подъезда.

Синие стены отдают сыростью и пахнут мелом. Полумрак заполняют широкие плечи Алексея, он ведет нас к себе. Первый этаж, продолговатый коридор, кажется, что в глазки металлических дверей за нами кто-то наблюдает. Откуда-то лает собака. Резкий электрический треск ламп. Такое ощущение, что нас ведут по тюремной взлетке.

Мы разуваемся в маленьком коридоре и проходим на кухню.

– Чай будете? – спрашивает Леха, убирая разбросанные по столу ножи.

– Будем. – Серега с опаской косится на хранителя книг – спортивные штаны и белая футболка с красным серпом и молотом на груди, ниже надпись «Все идет по плану», неброская одежда едва скрывает мощные мышцы. Легкая улыбка сливается с глубокими шрамами на лице. Голова нага, оставшиеся от бритвы следы горят тоненькими царапинками.

Леха уходит с чайником в ванную.

– Это точно библиотекарь? – толкает меня присевший рядом на табуретку Серега. – Ты адресом не ошибся?

– Ты сам глянь. – Киваю в сторону книг. Переплеты всех цветов и узоров прогибают настенные полки.

В ванной шумит наполняющая чайник вода. Из ванной доносится:

– А я сегодня пораньше встал и пошел на стадион, так, километров двадцать пробежал для бодрости, не успел ничего приготовить.

Мы переглядываемся.

Леха выходит из ванной, ставит чайник на плиту. Поджигает газ спичкой.

– А зачем ты книги на кухне хранишь? – интересуется Серега.

Через секунду его и меня Алексей заводит в комнату. Книжки выпирают из шкафов со всех сторон. На одном из шкафов бережно завернутая в серый чехол лодка и укороченные алюминиевые весла. Внизу клетчатый диван, патефон со стопкой пластинок, стол с листами и печатной машинкой, обнажившей кнопки, как маленькие зубки. В углу рядком выстроены гири – от восьми до тридцати двух килограмм – я сразу различаю их на глаз, среди них имеются даже Олонецкие – пузатые, с толстой ручкой... Шаровые гантели, такими, видимо, еще Поддубный и Крылов мышцы наращивали. Приделанная к потолку боксерская груша,

поскрипывая, покачивается в полумраке. Другое пространство занимают тесаки, топоры, ятаганы и кинжалы с замысловатыми узорами на рукоятях и резьбой на клинке – словно не стена квартиры, а витрина музея холодного оружия. Внизу тумбочки, что там, даже и страшно представить... Еще страшнее спросить. Тусклый свет сквозь тонкую щель бархата красных штор освещает закрывшее часть потертых обоев мощное знамя. Изображенный на нем Сталин удивления не вызывает.

– Поглядите, тут у меня небольшая часть книг имеется, – договорив, Леха мощным боковым засаживает в «экватор» груши, та, жалобно взвизгнув, сжимается.

– А где большая часть? – то ли из вежливости, то ли и впрямь из любопытства интересуется Серега.

– В штабе – другой квартире, там все три комнаты в книгах.

– Постой, ты живешь в однушке, когда у тебя есть трешка?

– Да. – Леха вынимает из картонки черную пластинку.

– А почему ты там не живешь?

– Как почему? Там же книги.

– А, – с ироничным пониманием произносит Серега.

Библиотекарь, сосредоточив все мышцы скуластого лица, ставит пластинку на проигрыватель. Таинственно замирает. Сначала шипение, потом грохот торжественного марша... Внезапный восторг заполняет пыльный простор:

Мы рождены, чтоб сказку сделать былью,
Преодолеть пространство и простор...

– Платон, я с одним знакомым из музея списался, мне он пластинку еще тридцать девятого года прислал, тут «Гимн сталинской авиации» есть, слышал?

– Давным-давно, в фильме каком-то.

Леха восторженно подводит меня к одному из шкафов, его палец ловко скользит по корешкам книг.

– А он в подарок глянь, что мне прислал: «Мальчик в полосатой пижаме», «Бухенвальдский набат», «Орден Мертвая голова», «Репортаж с петлей на шее», «Черный СС», «Бабий Яр»... – Перечисление продолжается, я отстраненно киваю, думаю, если бы кто-нибудь написал книгу «Смерть мусору», она бы органично смотрелась на этой полке.

– Отлично.

Патефон продолжает играть:

Наш острый взгляд пронзает каждый атом,
Наш каждый нерв решимостью одет...

Алексей замечает Серегу. И как истинный библиотечарь начинает для него экскурс по географии своих нескончаемых томов.

– Здесь у меня концлагерная тема, вот тюремная российская, тюремная советская, – показывает на верхний ряд. – Здесь армейская рубрика, с этой стороны американская, с

этой советско-российская... А эту часть, – экзотическое путешествие по литературе продолжается, – я называю ЖЗЛ, жизнь замечательных людей: Сталин, Муссолини, Франко, Ким Ир Сен, Чаушеску...

– А здесь? – Серега глядит в мутные стекла шкафа, за которым ничего не разобрать.

– А, отлично заметил, здесь закуток итальяно-испанского фашизма.

Экскурсия закончилась, и мы, оставив в комнате надрывающийся и шипящий патефон, садимся за маленький стол пить чай.

– О, – Леха, спохватившись, щелкает пальцами и бодро трусит в прихожую, – забыл вам к чаю предложить.

– Не тюремный паек случаем? – тихо выбрасывает Серега, маскируя дурацкой улыбкой лицо, раздраженно пододвигается ко мне.

– Щас-щас, – доносится до нас.

– Ты куда меня привел? Он нас тут не прирежет? – Серега ерзает на табуретке и подозрительно вглядывается в чайную жижу граненника.

Я дотрагиваюсь до своего стакана, его стекло приятным воспоминанием из детства согревает руки. Навалившись в снегу, воюя за звание «Царь горы», мы всей толпой заходили в поселковый универмаг, скидывались мелочью – как раз нам ее хватало на стакан чая. После чего следовал ритуал – стакан шел по кругу – каждый делал по глотку, но обяза-

тельно перед этим подносили к нему застывшие от мороза пальцы. От душистого тепла они розовели и снова наливались жизнью, готовые после ужина у «Глобуса» во времянке разложить на полу партию в карты и навалить щелбанов проигравшему.

– Не могу обещать.

– Да это не библиотекарь – это маньяк какой-то.

Алексей возвращается и раскладывает на большую тарелку с рисованными по краям ромашками свежие круассаны. Чужеродный аромат французской сдобы расплзается по кухне незримыми щупальцами, грозящими вытащить героев книг из армейско-концлагерного, контужено-военного мира в капризное изобилие современности.

– Так-то я черные сухари с чаем люблю. А тут Платон позвонил, сказал, что зайдете, я после пробежки в магазин заскочил, купил... Кушайте, свежие. А то начал бы вас сухарями угощать, еще подумали бы, что я совсем...

– Да не, – Серега хочет откинуться на спинку. Вовремя останавливается, осознав, что он сидит на табуретке – никаких спинок нет и в помине, – все очень интересно.

– Да? – детским азартом воспламеняется Алексей. – Тогда вот вам еще, тут у меня... Симонов, Полевой, Быков...

– Мы по делу. – Я резко его торможу – иначе, знаю, на полной скорости его будет уже не остановить. – Лех, мы театр собрались делать, нам нужен человек, который будет про нас писать инфу и распространять по всем СМИ, по всем

соцсетям... Поможешь?

– Платон, какие вопросы, конечно. Я как раз ленту на машинке заменил...

– Я тебе для пущего толка пьесу тогда скину.

– Кидай.

Сергея изо всех старается не прыснуть со смеху. Но тут же замирает. В коридоре лязгает железо. Надрывается собака, по лаю, кажется, овчарка или доберман, но точно служебная.

Клетчатая тень от оконной решетки отпечатывается на корешках блеклых томов.

– Ты любишь театр? – одушевляется Серега.

– Нет, – тут же получает точный ответ.

Морщусь от пепелящей меня пары глаз. Серега багровеет.

– Тогда зачем тебе нам помогать?

– Платон просит – он за идею, а всех идейных я уважаю.

– За какую он, на хрен, идею?

Я жую круассан – Библиотекарь все объяснит и без меня.

И тем более лучше.

– Идею борьбы.

– Так ты у нас еще и идейный? – Серега язвительно косятся в мою сторону, я отмалчиваюсь.

– Знаешь, – Леха облакачивается на раковину, дует на парящий чай, – у нас на входе в библиотеку транспарант висит «Год литературы. Читать – это модно». А какой с этого толк? Люди как книги на помойку выкидывали, так и выкидывают. – Он гладит выстроенные в ряд потрепанные фолианты. –

Отличные книги выкидывают – Платонова, Катаева, Леонова, Шолохова, Куваева, Михеева, Анчарова, Столярова... И все, заметь, – русскоязычные. Назовите следующий год хоть «Годом нацизма», ничего в стране не поменяется, кроме надписей и рекламных роликов. Потому что максимум, на что мы все способны, – заставить детишек стихи про Родину читать, салютом на праздники закупиться, Георгиевскую ленточку надеть, на иномарку трафарет наклеить: «Спасибо деду за победу» и, рюмку водки накатив, соседу морду набить. Проблема сегодняшней России не в фашистах, либералах, коммунистах или анархистах. Проблема страны – в их отсутствии. Они, конечно, есть, но они также действенны, над входом в библиотеку транспарант – «Год литературы». Искренний фашист мне интереснее лживого гуманиста. Служение и преданность идее мне важнее, чем сама идея.

Выпив по три чашки чая, все тщательно обсудив и обговорив детали, я и Серега вырываемся из пыльной тесноты на улицу. Настроение приподнятое – все вроде идет по плану. По газону бродят голуби. Мы шугаем их торопливыми шагами. Бабульки из соседнего подъезда обсуждают современность.

– Порошенко, – лютует одна, – фашист чистой воды...

– А Навальный? – аккуратно спрашивает вторая – робкая и сушеная, как вобла.

– Да это же его брат... Фашист, конечно.

Миновав старческий дискурс, вспоминаем, где-то тут был

киоск. Дворовые сквозняки заматают лишние слова в распахнутые апрелем окна. За спиной слышится повышенный тон:

– Ты что, старая, дуркуешь? Фашист чистой воды он. Говорю – фашист.

Находим «скворечник», в маленьком окошке продавщицы не видно.

– Что-то страшно мне. – Серега стучит в заклеенное этикетками жвачек стекло. – Представляю, что этот твой Библиотекарь написать может.

– Нормально будет, я ему пьесу скину, он сам сориентируется.

– Скину? – Окошко отворяется, появляется милое лицо бабульки – сразу вспоминается из детства «В гостях у сказки».

– Бутылку «Пикура». Ты будешь?

– После чая не полезет.

Серега покупает бутылку пива.

– А ты ему на что пьесу скинул? На печатную машинку? Она у него к интернету подключена, что ли?

– Не переживай, есть у него ноут, просто без надобности его не достает.

Отходим к стальным одинаково бесцветным гаражам.

– Представляю, что он напишет. – Серега первым глотком осушает чуть ли не половину бутылки. – Что-нибудь типа – «Мы ждем вас на премьере драматического театра „Бухен-

вальд“ – приходите, будет жарко».

– Он может, – подыгрываю я, подставляя лицо весеннему солнцу.

– Блядь, такое ощущение, что мы не театр, а марксистский кружок создаем.

Под ногами хрустит пластик. Дорога по склону спускается в частный сектор. Мы, увлеченные каждый своими мыслями, забираемся на возвышенность. Одноэтажный простор вырывается сверкающим половодьем из каменного затора домов, за ним изгибается широкое русло реки. На другом берегу от непрерывного производства стали раскаляются застывшие над городом облака. Если человечество в силах было прибить к ним транспарант «Год экологии», оно прибило бы.

Собрал король как-то раз англичанина, немца и русского...

– Итак, – я делаю глоток чая, – у нас два актера.

– Кто? – Серега листает меню – «Час Пик» пустует, но и понятно, воскресенье – завтра большинству посетителей на работу. Улица за окном как подтаявшая нуга тянется светом фар. Тень висящего под потолком вентилятора играет на столе вращающимся переливом.

– Ты и Сыч, есть еще завлит, ну и я.

– Небогато.

– Да самое то! – Неожиданно, на полчаса раньше, появляется Сыч, за ним, светясь улыбкой, следует официант. Я узнаю в нем парня позавчерашней давности – короля скидок. – Мы вас позовем. – Царственным жестом артист просит работника кафе на время удалиться.

– Хорошо, – прислужник исчезает.

– Да на хрена вы сюда меня привели? – Не поглядев меню, Сыч падает на жесткий диван рядом с Серегой. – Тут водка больше чем моя жизнь стоит!

– Я угощаю, не парься. – Мне тревожно, от рюмки-другой я сам бы не отказался.

– Вот всегда мечтал о таком директоре.

– Мы договорились здесь встретиться. – Серега откиды-

вається на спинку стула.

– Но со мной, конечно, можно было и в месте попроще увидаться. – Сыч довольно потягивается. – И с кем же договорились?

– С Петром.

– Каким еще на хрен Петром?

– Ну с кукольного, который...

– А, – набавляет себе английского акцента, – мистер Пэтр – представитель театральных меньшинств, лучший в номинации «рука в жопе».

– В смысле? – настораживаюсь я.

– Ну в каком еще «в смысле»? Как, ты думаешь, они своими куклами управляют?

– Как?

– Как-как – через жопу.

Смеемся громко, на шум словно на сигнал снова подбегает официант, заказываем графин водки, пиво и сет из суши и роллов. Парень нашим выбором остается доволен.

– Ладно, по делу. – Пока ждем Петра, надо еще обсудить текст. – Пьесу все читали?

– Да читали. – Кажется, что Серега чем-то недоволен.

– А то, два раза перечитывал, – юродствует Сыч. – Могу пересказать.

– Серег, что не так? – сразу пытаюсь избавиться от недомолвок.

– Да все так. Просто...

– Да что просто?

– Просто я не вижу, как ее поставить. Сыграть – главного героя сыграл бы, а как и что, не пойму.

– Э, – не унимается Сыч. – А что это главного героя сразу ты? Я тоже хочу. Э, директор, у нас что – кастинга не будет?

– Извини уж, Сереге роль героя, тебе – его друга.

– Ну, – актер отыгрывает обиду, преобразующуюся в смирение, – так и быть, я подумаю, конечно, надо посмотреть еще на свой график.

Анализируем мой текст, минусы выявляются сразу, плюсы попозже, да и то с трудом. Точно Вера сказала – поспешил, ну поспешил же... Но разве у меня оставался выбор? Официант возвращается, расставляет на стол наш деловой ужин. Пока мы замолкаем, он сам же разливает водку по рюмкам, потом, удаляясь, напутствует:

– Если вам неудобно есть палочками, советую взять вилки, они вон там за соломкой и салфетками у окна.

– Ладно, давайте, – пытаюсь придать серьезность нашему мероприятию, поднимаю стопку. – За нашу победу.

– Да, победу над всем и вся, всегда и потом, – добавляет Сыч.

– Эх, не нравится мне все это, – печалится Серега.

Я закусываю имбирем – острота японской кухни приятно щиплет язык. Смотрю на поднос, долго не решаюсь, какой ролл поймать на палочку, в итоге беру первый попавшийся. С креветкой...

– Ты, Серег, – начинает Сыч, еду он игнорирует, – в театр пока не заходил, а там уже про нас слушок пошел. В четверг на спектакль придешь, тебе Александр Яковлевич все расскажет.

– Какой слушок? Что расскажет?

– Да что ты с Платоном какую-то авантюру задумали и меня в нее втянули. Александр Яковлевич недоволен, ой, страсть, как недоволен, – косится на меня, – что из его театра актеров в какие-то интриги впутывают.

– А ему не все ли равно? – Откидываю палочки в сторону, ем роллы руками, перед этим топя их в блюдечке с соевым соусом.

– Значит, не все равно. И это, пока не забыл... Александр Яковлевич, ну или Француз, как ты его называешь, хоть представляешь какую премьеру готовит?

– Какую?

– По Шиллеру! «Коварство и любовь!» Трехчасовую! В спектакле около тридцати человек! Бюджет больше двух миллионов! А, выкусили?

– Кто?

– Я, – икает Сыч.

– Да уж, англичане и немцы – все против меня объединились. – Единственное, что приходит на ум, – отшутиться.

– Не понял?

– Моя жена Шекспира ставит, «Ромео и Джульетта».

– Шекспир, Шиллер... О, я гляжу, у тебя так ниче конку-

ренты.

– Все прям, как в анекдоте: собрал король как-то раз англичанина, немца и русского... Концовку все знаете?

– А то, русский в концовке всех наебывает и полцарства от короля получает.

– А евреи? – Подвыпив, Серега берет себя в руки, паника на лица сменяется решимостью.

– А евреи? – Сыч важно поправляет очки. – А евреи, да у них и так все заебись.

– Ну, у одного точно не так.

Когда является Петр, мы уже доедаем остатки закуси. В соевом соусе плавают крошки панировки. Лица разруганы и улыбочивы – усталость отступила, мышцы расслаблены, мысли стремительны.

– Привет. – Кукловод чинно со всеми здоровается за руку и оглядывает наше застолье, одобрительно улыбается. Ростом он невелик, лицом неприметен, одет в стиле, я так характеризую, свой в доску парень: кеды, штаны с десятью карманами, футболка с зарубежным городом на груди.

– О, еще один директор, – допив стакан пива, непонятно к чему вставляет Сыч.

– Почему? – Петр навалился всей своей невозмутимостью.

– Не задавай сложных вопросов, Петь, присаживайся.

– Я не люблю, когда называют меня Петей!

– А как же... – Сыч уже перепил, размашистые жесты его

сдают с потрохами.

– Ладно, тише, – вмешивается Серега. – Петр, садись, дело есть.

Замечаю нарукавнички, потом всего официанта целиком.

– Хотите что-нибудь сразу?

– Мне, пожалуйста, кофе с сахаром. – Кукловод мягким голосом сказочника озвучивает заказ, слово «сахар» произносит особо сладко. – Можно?

– Конечно. Какой кофе предпочитаете?

– А ты что, пить не будешь? – возмущается Сыч.

Серега легонько пихает его в бок.

– Американо, только, будьте любезны, можно ли мне к нему сливки?

– Конечно.

– А чизкейк у вас свежий есть?

– Конечно. – Улыбка официанта тягуча, как сыр на бутерброде, разогретом в микроволновке.

– Тогда будьте добры.

– Вам в общий счет или отдельный?

– Отдельный.

Серега, дав мне передохнуть, рассказывает Петру о наших планах. Предлагает ему принять участие в «Марше одноногих». За повествованием мы успеваем выпить еще по кружке пива, что окончательно вселяет в нас уверенность – у нас все получится.

– Очень, – дослушав все до конца, начинает Петр, подно-

ся к тонким губам чашечку – на удивление, она еще наполовину полна. – Очень интересно вы придумали. Ребята, нет, правда, вы молодцы. Свой театр – класс!

Сыч просит ближе сидящего к проходу Серегу пропустить.

– Я покурить, дурная привычка такая имеется, вы уж меня извините...

Вдохновленный Кукловод продолжает:

– Молодцы, в нашем болоте, как раз не хватало таких, как вы. С радостью к вам присоединюсь. Вот только бы время найти. Пьеса, говорите, «Марш одноногих»? Это прям подовлатовски... Классно. Платон, скинешь мне?

– Конечно.

– Я прочту и поделюсь своим мнением, может, чем и помогу. У меня спектакли детские только утром, вечерами я свободен, но... Но есть проблема, скоро гастроли в Питер. Я туда поеду со своими моноспектаклями... Меня сам Леонид Кузьмичев позвал, понимаете?

– Понимаем. – Серега переглядывается со мной.

– Ну, еще на май у меня поэтических вечеров много назначено.

– А ты пишешь стихи?

– Да. – Петр расправляет грудь, что на футболке отчетливо вырисовывается город и надпись: «Манхэттен». – Я поэт... И у меня еще свой поэтический театр – «Под деревом».

– А. – Серега кивает, делает вид, мол, все понимает. А сам

весь в себе – подбирает слова.

– Но я очень постараюсь вам помочь. Вы большие молодцы.

– Так что, по рукам, – опережает события Серега, запустив пальцы в свою кудрявую голову.

– Да, конечно... Но просто поймите, у меня тоже много разных проектов... интересных.

– Но мы на тебя рассчитываем?

– Да, я думаю, я вам смогу помочь. Театр для меня – дело святое.

– Так ты с нами?

– С вами. – Сиюминутное раздражение озаряет Петра, но тут же гаснет. Бесцветное спокойствие закрывает лицо.

И вот, актеров уже трое. Сейчас подойдет Колдай, и если он согласится, то мужской состав спектакля будет полностью укомплектован, нужна будет только одна актриса – и можно начинать!

Петр допил вторую чашку кофе очень быстро, распрощался и ушел, перед этим раз десять отблагодарив нас за приглашение. С Колдаем он разминулся в минуту-другую. Этот же, перед тем как войти, с улицы выследил меня, сидящего за стеклом, настучал в окно: «Тын-тын, тын, тын-тын» – лейт-мотив из «Терминатора», и скрылся. Через считанные мгновения шумно ворвался в кафе, втащив на своей черной одежде сумрачную прохладу.

– Васька. – Он с ходу здоровается со всеми, оглядывает

опустевшие остатки ужина и опечаленное от внезапно закончившейся водки лицо Сыча, садится возле меня. – Ну, как дела, театрал? Читал сегодня про тебя уже...

– Да это старое, что ли?

– Не, свежак. Вон. – Лезет в сотовый. – Опубликовано после шести.

– Дай. – Беру телефон вместе с его тяжелой рукой, читаю заголовок:

«Безумие становится нормой»... А дальше тянется текст про новый театр – сдержанный, интригующий – все, как надо. Мерцает соскальзывающая вниз инфа, проклятый сенсор – Колдай все время поднимает ее пальцем вверх. Ну, Библиотекарь – «неугомонный дух» просто... Машина по имени Алексей запущена. Держитесь. А тому, кто хочет выучиться на завлита, следите за ним и записывайте.

– Ну, заценил? – Васька подмигивает.

– Слушай, дай мне, – просит Серега.

– Да, братан, без проблем. Читай и развивайся. – Васька доброжелателен.

Сыч молча наблюдает за новым гостем. В голове его ворочаются мысли, это видно по его задумчиво-слепым глазам.

– Как? Как? Так быстро? – Серега раздражен, удивлен и доволен – все сразу.

– А ты что хотел? – Пододвигаю меню к Колдаю. – Это же Библиотекарь.

– Только мы еще людей не набрали, а он уже вон как рас-

писал!

– А что делать? Его уже не остановить.

– Бля, у него реально машинка с интернетом, что ли? –
Сергея давится неожиданным смехом.

– Вась, – хочу спросить я, но официант перебивает. Явился, словно из-под земли восстал.

– Хотите что-нибудь сразу?

– Хочу, да, дружище, ты абсолютно прав. Жуть, как водку хочу. – Колдай оглядывает наши согласные лица. Вопросов лишних не задает.

– Во. – Сыч выходит из коматоза. – А он мне нравится.

– Взаимно, – сигнализирует пальцем ему командир отряда специального назначения. – Итак, можно бутылку «Хаски», четыре стакана сока? Ну, и закусить к ней что-нибудь.

– Что именно? – взгляд официанта цепок и подготовлен.

– Ну, каких-нибудь солений и сала?

– У нас есть маринованный сет – огурчики, помидоры, капуста... Сала, к сожалению, нет, мясная тарелка устроит?

– Устроит, да, пацаны, устроит?

– Не, он мне однозначно нравится, – оживляется Сыч.

Этот назойливый «нарукавничек», дослушав заказ, тут же проваливается в никуда, так же как и появился – словно его и не было вовсе.

– А что вы вовнутрь не сели? – спрашивает Колдай.

– Там музыка громкая. – Я ловлю момент и продолжаю: – У меня к тебе дело. Как ты к театру относишься?

– Платон, давай, по существу. Что хотел?

– Сыграешь роль в спектакле нашем?

– Когда?

– В июне.

– Ну. – Колдай кривит большие губы – это значит он размышляет, я уже изучил. – А сыграю, в июне у меня отпуск.

– Отлично!

– А ты как со сценой, дружишь? – Серега допивает остатки пива.

– А что, она баба, что ли, с ней дружить?

– Великолепно... – Сыч аж приподнимается.

Серега выходит покурить, я воздерживаюсь.

– На премьере, – пытаюсь я подколоть товарища, – твоя любимая Адка будет!

– Да пошла она!

– А что такое?

Ваську одолевает легкое смущение. Странно, такое с ним случается редко.

– Возомнила о себе, и то ей, и се...

– А тебя-то самого, что заклинило – красавица, выпей водки, выпей – разговор вне темы театра расслабляет.

– Уважаю, – вставляет Сыч, нагло тыча пальцем в моего друга. Был бы на его месте кто другой, Колдай запросто свернул бы ему руку.

– А что такого?

– Ну, хотя бы шампанским угостил.

– От него же голова потом трещит, я как лучше хотел...

Постой. А ты откуда знаешь?

– Ленка сказала.

– А она откуда знает?

– Ей же Адка по скайпу все твои телодвижения расписала.

– И как я... – затихает товарищ, понимая – мы не одни.

– И как ты...

– Так она обо мне говорила? – Необычная суета овладевает Колдаем, он оживает всем лицом, трясет под столом коленом от любопытства.

– Говорила... притом много...

– И что?

Чувствую – кто-то закрывает свет. Поднимаю глаза – выглаженная улыбка официанта.

* * *

– Мне нужна Танька.

– Что? – не понимает Ленка.

Мы выбрались на прогулку уже к ночи, когда хозяева загнали своих собак по домам, а в окнах многоэтажек почти не осталось огней. Жена пришла еще позже меня, замученная и злая, потребовала свежего воздуха.

– Мне нужна Танька, актриса из твоего театра, – повторяю я с уточнением. Пытаюсь взять жену за руку – она отстраняется. В своей кожаной куртке, тертых джинсах, кроссовках

она похожа на героиню из романа Гранже, сыщицу-полицейскую. Помнится, когда читал «Пассажир», как дело доходило до нее, всегда возбуждался, все представлял Ленку, только в другой ипостаси – преследующей по пятам потерявшего память то ли маньяка, то ли художника.

– Зачем?

– Для спектакля.

– А ты больше ничего не хочешь?

Из темноты дворов выходим в электрический простор проспекта. На коротких деревьях горят гирлянды – обычные, свисающие и капающие.

– Снова пил? – Ленка пытается перевести тему.

– Немного, – вру я... На самом деле много, меня пошатывает.

– Будешь пить, член стоять не будет, – то ли пытается обидеть, то ли предупредить.

– Дай мне Таньку, – настаиваю на своем.

– Она уже у меня играет.

– Кого? Джульетту? – смеюсь я.

– Кормилицу.

– О, отправила ее на понижение?

– Ей полезно.

– Раньше твоя любимая актриса была.

– Она и сейчас хороша, ну, знаешь – старение никого не красит.

Из квадратного окошечка киоска «Шаурмания» исходят

разящие запахи, пропитывающие проспект Мира луком и жареным мясом. Высоченная стела, возведенная к восьмидесятилетию победы, золотит сердце города – распутье семи дорог... Можно ступить по любой из них – потерять коня, жену, найти смерть... Но лучше вернуться домой – толку гулять в таком настроении? Да и туманит меня конкретно. По левому «борту» хрустальной вывеской серебрится «Кристалл» – магазин драгоценностей, а проще магазин для буржуев – человек, выкидывающий бешеные деньги на сверкающие безделушки, стране бесполезен. Хотя, Ленка... Присматриваюсь к ее безымянному пальцу. Кольцо на месте. А то вдруг сняла сгоряча да зашвырнула в тартарары. Пятьдесят тысяч! Но это свадебное, так и быть, ей простительно...

– А ты знаешь. – Ленка неожиданно останавливается. – Француз, как ты его называешь, Шиллера ставить будет.

– Знаю.

– Он займет всех твоих актеров, и все...

– Что «и все»?

– И ты поймешь наконец-то, что все зря.

– Они соскочат – я в них верю.

– Ты слишком наивный.

– Ну и пусть. Этим я пока и спасаюсь.

– И что ты со своими «Одноногими» делать собрался? Тут Шекспир, Шиллер...

– Знаешь такой классический сюжет анекдота про англичанина, немца и русского?

– Не знаю, – возбужденно вскрикивает Ленка.

Сонные горожане, до этого дремлющие в ожидании автобуса под козырьком остановки, любопытствуют. Неужели мы такие громкие? Скорее, кажется, все пьяное одурение, выдержать бы часок – отпустит.

– Там, как бы англичанин и немец все правильно и отлично ни сделали бы, русский все равно их в дураках оставляет.

– При чем тут твои тупые анекдоты?

– При том что без самоиронии мне не выжить.

– Хочу шаурму, – резко и вздорно вырывается у Ленки.

– Шаурму? Да ты такую, как сама говоришь, дрянь не ешь.

– Не ем, а сейчас хочу! Почему ты не считаешь меня за человека?

– Э, Лен, постой.

– А я человек тоже, да! Хоть и женщина... Или женщина человеком, как и режиссером, быть не может? Да? Ты молодец, конечно, чистенький, все своим честным трудом добился, без образования – вышел в писатели из поселка своего гребаного, из семьи рабочих. А я – все по благу, москвичка, ВГИК с отличием закончила, режиссером стала, только благодаря тому, что папа у меня народный артист, мама народная артистка. Все по связям. Так все думают. И ты так думаешь! А так я бездарна, да? Сама по себе ничего не стою.

– Вроде я пьяный, не ты. Куда тебя заносит?

Новые возникшие из подворотен кривоzubые ротозеи просовывают свои рожи меж прутьев забора. Перехрипыва-

ются друг с другом, да перекашливаются. На нас самая обычная одежда, но что-то, понятия не имею что, выдает в нас других людей. Стая бездомных собак нагло перебегает дорожку, большой и мохнатый лидер лает на деликатно объезжающее их авто.

– И ты же тоже считаешь, что я не могу быть режиссером, да? И все потому, что женщина!

Ветер поднимает с асфальта паруса пыли, готовые нести ночь к неведомым горизонтам. Погода портится. Пустой пакет проносится по газону.

– С чего так решила?

– Ты это писал в своем гребаном романе!

– Но это же художественный вымысел.

– Ага, рассказывай мне.

– Да и не так я писал.

– Все так.

Я и жена напротив друг друга – глаза в глаза, как боксеры перед взвешиванием.

Молчание сжигает нервы. Уличный, мать его, театр!

Полночный зритель. Взбунтовавшийся город. Приподнятой падугой незаметно колыхающаяся вселенная.

– Платон, да угости меня наконец-то этой поганой шаурмой. – Ленка прижимается мокрым лицом к моей груди. – Я же тоже человек!

– Да без проблем.

Пока все готовится – за стеклом видно, как нерусский па-

рень в белом колпаке и целлофановых перчатках стелет на стол лаваш и набивает его всякой всячиной, – я пью чай из бумажного стаканчика, бодрюсь, как могу. Ленка дышит мне в грудь, шепчет.

– Какой же ты красивый... До чего же ты, сука, красивый.

За суетой продавца на вертикальной трубе вращается кусманище мяса, от него веет пряностями и Кавказом.

– Спасибо, – выдаю я. – Так ты мне Таньку отдашь?

– Ты можешь не забивать голову работой, хотя бы сейчас?

Завтра приедешь в театр и все по-деловому обсудим.

– А сейчас?

– А сейчас ты мой муж, а я твоя жена.

– А завтра?

– А завтра я буду худрук, успешный режиссер, а ты дерзкий парень, который решил выступить против всех.

Подъезжает автобус, увозит с собой зрителей в рассеянный мрак. Собаки разбегаются по подворотням. Проступившие из темноты глаза забулдыг растворяются в зарослях кустов.

– И ты будешь снисходительно на меня глядеть?

– Буду.

– А дома?

– А дома буду тебя любить. – Ленка поднимает глаза и гладит мои плечи.

– За что?

– За то, что ты дерзкий парень, что решил выступить про-

тив всех. – Она со всех своих женских сил прижимает меня к себе. – Какой же ты широкий...

– Все готово, возьмите, пожалуйста. – Из окошка волосатая рука протягивает завернутую в бумагу шаурму.

После обеда

И новая театральная жизнь стартанула с места... И понесло... Куда понесло? Да шут его знает. И нам дали в помощь двух художников ДК. И нам выделили комнату для первых репетиций – читок, притирок актеров к тексту. Мы укомплектовались по полной – Танька согласилась принять участие в нашем «Марше одноногих». Ленкина избирательность сыграла в нашу пользу, вздорная актриса, недовольная ролью, что она не Джульетта, а какая-то Кормилица, назло руководству дала добро на работу в нашем спектакле. Тем более главная женская роль, да к тому же – единственная женская любовь. Жена злилась, что странно, почему-то на меня. Да и ладно.

Сама же говорила, решим все по-деловому, как полагается, я приехал к ней в театр... Ленка же сама отвела меня к Таньке, мол, спроси у нее все сам – готова или нет? Актриса оказалась готова, Ленка к такому повороту сюжета – нет.

Первая читка прошла вяло и скованно, с запинками и переспрашиванием. Явились все, кроме Колдая, тот работал, это нормально. У него-то роль – выйти из темноты вначале и в конце на три секунды да произнести одну фразу. Вот и весь бенефис. Все остальное исполнит фактура – большая и суровая, и даже если его герой позабудет текст, это мало кого огорчит, зритель подумает, что так и надо.

Читка проходила в комнате, где, как я понял, базировался Театр семейной трезвости. Стены были залеплены множеством фоток, которые увековечивали всю прелесть безалкогольной жизни. Снимок за снимком, если просматривать слева направо, возникнет ощущение, что глядишь допотопный фильм – счастливые мужики, еще больше счастливые женщины, то они вокруг самовара, то они морзуют возле проруби, то играют в бадминтон. Дальше сюжет о трезвом счастье закручивает интригу – и вот наши отважные герои уже на сцене в балетных юбках, исполняют танец маленьких лебедей. Нелепые, пузатые, рыхлые, задорные, улыбчивые, с тройными подбородками... Под фотографией надпись: «Быть трезвым – это весело».

Над пианино портрет печального мужичка с отважными глазами и напряженными от счастья скулами, вокруг, видимо руководителя это безумия, красовались грамоты и дипломы – за что и как они были получены разбираться не хотелось. А вот откуда подвешенный над ними транспарант, узнать не мешало бы, сгодился бы на спектакль: «Алкоголь – чума двадцать первого века».

– Что дальше? – аккуратно спрашивает Петр, словно за стенами нас могли подслушивать.

– Перекур и еще почитаем, – ответил я.

– Хорошо.

Сергея откладывает текст в сторону, залипает в одну из фотографий, на которой черт-те что – мужики и женщины

выстроены в шеренгу, их губы измучены улыбками, от этого кажется, что им невмоготу как хочется в туалет.

– Ничего так не провоцирует выпить, как трезвое счастье, – философски изрекает Серега.

Мы выходим подымить через служебный вход к когитстым корням растревоженных ветром сосен. На перекуре приходит беда, откуда не ждали. Танька, ни с сего заводится, как заговоренная.

– Я не понимаю, – точеным коготком стряхивает пепел с длинной сигареты.

Небо заволокло тучами, словно брезентом. Еще с утра накрывшая город пасмурность уплотняется мелким дождем, негодует природа, негодует Танька:

– Я не понимаю, вот про что эта пьеса? Вот ты автор, – глядит на меня, – объясни мне? – Ее грудь вздымается красиво и нервно, голос нарастает.

– Тихо, Тань, тихо, – пытаюсь успокоить, пусть выговорится, но не громко, а то в муниципальном при Ленкиной диктатуре кто ей даст такую возможность? Был бы я ее начальник, конечно, оборвал бы на полуслове, а тут остается только терпеть, никакого же рабочего договора между нами нет, Таньке ничего не стоит развернуться и послать нас ко всем чертям. Пусть продолжает, только не уходит. А то тут и ДКашные художники вышли покурить, – услышат, а тут на меня актриса кричит – перед ними свой авторитет терять нельзя.

– Платон, ну, не понимаю, почему вот я... Лично я, должна сочувствовать главному герою. Он ни то, ни се – ни рыба, ни мясо.

– Да это же моя проблема, я за героя отвечаю, – хочет вмешаться Серега.

– Ничего не ответишь, на таком материале мы не выедем, понимаешь? А главное – нет трагедии в пьесе, даже любовной линии нет, в ней ничего нет!

Сыч отходит в сторону, его ветровка поднимается на ветру, словно плащ воина, достает из сумки чекушку, да с таким героизмом, словно Персей голову горгоны Медузы... Петр каменеет. Косится на меня, мол, ты главный, останови его, как это он может пить на репетиции? Да его директор и худрук театра остановить не могут, думаю, глава управления культуры с этим не справился бы.

– Ну, что это такое? – Танька лютует, переглядываюсь с Серегой, тот подавлен – все из рук вон плохо.

Первая репетиция, а уже раскол: группа глубоко мыслящих праведников – Танька и Петр, группа глубоко пьющих грешников – Сыч, начальствующая группа – я и Серега. Театр, мать его, не успел образоваться, а уже раскололся. И каждый же прав, жаль, что только ты один это понимаешь... Ты понимаешь всех, тебя никто.

По окнам колотил дождь, мы читали пьесу, я старался вежливо все разъяснить – каждый момент. Серега занимался конкретно Танькой, сидел рядом, пояснял, как первокласс-

нице, каждое слово.

– Ничего не понимаю, – сопротивляется актриса.

– Да потому что ты тупая, – срывается Сыч. – Вы там все в вашем муниципальном совсем с катушек посъезжали от своей звездности! Вот, – хлопает меня по плечу, – драматург. Вот, – кивает в сторону Сереги, – режиссер. Это их проблемы, они решили, что смысл есть, объяснили тебе, что с тебя требуется, – все. Больше тебе знать ничего не надо. Куда ты лезешь?

Танька выдерживает паузу, набирает воздуха – готовит себя к величайшему скандалу.

– Все сказал? – «Примадонна» берет разгон. – Да ты хоть понимаешь на кого свой рот открываешь?

Молния на миг освещает кабинет трезвости, закупоренный воздух накаляется. Все сейчас полетит в тартарары.

– Тише! – выкрикиваю я, чувствуя, как мои слова тонут во всеобщей брани.

– Ты не меня затыкай. – Танька откидывает листы в сторону. – Ты его заткни.

– А что, я неправ? – Сыч продолжает бунтовать.

– Ребята, – пытается влезть Петр. – Ребята, успокойтесь.

Потолок гремит, под светом ламп обостряются трещины далеких времен.

– Э, кукловод, молчи, тебя не спрашивали.

Молния за молнией. Танькины губы продолжают шевелиться. Скулы Сыча обнажают жилистый надрыв... Сумрач-

ный угол вырисовывается фосфорными очертаниями Петра.

– Ребята... – повторяет он раз за разом.

– Тихо! – взрывается Серега, следом гремит гром.

– Тихо! Да успокойтесь же вы!

Собрать актеров с разных театров вместе оказалось, все равно что смешать водород с хлором.

– Это вы там, – Танька привстает, – в своем областном зажрались, ни спектаклей нормальных, ни людей. Непонятно только, за что вам деньги платят.

– Деньги, – хохочет Сыч.

– Нам бы ваш бюджет.

– Да на хрен вам наш бюджет, у вас никакой фантазии.

Только свои танцульки да комедюльки ставить и можете! Вас критик энурезный похвалит, вы и рады, себя чуть ли не Элиной Быстрицкой провозглашаете. Вот вам, – Сыч показывает на фотки «трезвенников», – только с ними и конкурировать.

– А вам инвалидов по приглачительным развлекать, все равно к вам больше никто не ходит.

Сейчас затрещавший по швам новоиспеченный театр бомбанет, разнесет ДК в пух и прах. Да что там ДК... Город. Поднятое под небеса пламя узрят театры мира другого и пристыдятся спокойствия своего, позавидуют темпераменту нашему провинциальному, что спичечным коробком всю планету озарить может.

– Все! – срываюсь я и распахиваю окно.

Свежая, только сорвавшаяся с небес вода вливается в ка-

бинет. Ветер сметает со стола листы, срывает со стен грамоты и фотографии... Счастливые лица и бумажные заслуги осенней листвой слетают в темноту.

– Давайте текст читать уже, – подхватывает Серега.

Отдаляющийся гром шумит уже далеко за городом. Лица актеров напряжены – непробиваемы и враждебны. Продолжать репетицию смысла нет.

Все разошлись на репетиции по своим театрам. Мы с Серегой остались одни. Закрыли кабинет, отдали вахтерше ключи. Спустились к художникам в подвал – дверь оказалась закрыта. Вернулись на вахту, спросили.

– Не видели ли их?

– Да они на обеде, – сонно отвечает вахтерша, разгадывая сканворд. Фойе по-прежнему пахнет кофе и валерьянкой, пространство кажется недвижимо.

– И давно? – интересуется Серега.

– Да уже с час.

Мы остаемся ждать. Глядим на развешанные по всем коридорам фотографии – со Дня города, со Дня молодежи, с Первого мая, со дня школьника, со дня туриста... Бесконечное множество дней. Шмели, мухи, цыгане, музыканты, певцы, танцоры, дети с бантами... У расписания множества кружков висят памятки с красными словами «внимание». Читаю одну из них:

«Если вы стали жертвой изнасилования, ни в коем случае нельзя до прихода полиции смывать с себя следы грубости и особенно – сперму маньяка...»

Как ни странно, рядом висит афиша детского ансамбля «Букашки».

Мы изучили все, что можно было, художники не шли, настроение портилось.

– Да где они есть? – кипятится Серега.

– Да пес их знает, – отвечаю я... Больше переживаю за другое – как помирить и объединить этих актеров? Как?

Походили еще, покурили, что делать?

Решил заглянуть к директору.

– Он на обеде, – с ходу отвечает мне пасмурная секретарша.

– А когда будет?

– Позвони и спроси. Я почему знаю.

– Но ведь уже часа три, – возмутился я. Секретарша подняла на меня глаза.

– Молодой человек, что вы от меня хотите?

– От вас? Ничего.

– Ну тогда не мешайте мне работать...

Душный мир ДК оставался недвижим. Лишь из музыкальной студии на первом этаже высокий и рыжий мужик изредка выходил покурить, не спеша поднимал на нас свои увеличенные стеклом очков глаза и скрывался из виду. Хлопала

дверь, мужик возвращался и с ленивым любопытством заново рассматривал нас, словно уже успел позабыть и видел впервые. Потом, ступая по коридору, косясь на фотографии, афиши и расписания кружков, тихо комментировал:

– Ох, блядь, ебались...

Словно он только понял, куда его угораздило прийти.

– Да где они все есть? – не выдержал Серега. – У нас же дел море, нам все нужны.

– Азим Газизович, наверное, после обеда на совещание поехал.

– И как часто он на совещаниях бывает?

– Да целыми днями.

– О чем столько совещаться можно?

– Начальство, – обреченно разводит руки вахтерша.

Ничего не остается, как устроить срочное совещание уже в нашем личном «кабинете», после спертого воздуха ДК хвойный ветерок приятно остужал саднившее внутри раздражение. Подошва кроссовок проваливается в землю, грязь налипает, ну и черт с ней, подсохнет – сама отвалится. С листвы падают капли, но ее, слава богу, немного – все больше хвои.

– И как тут не пить? – Серега откупоривает зажигалкой бутылку пива. – Правда, денег почти не осталось.

Я с силой выбиваю из пачки сигарету, спрашиваю у худрука зажигалку, закуриваю и листаю на сотовом новости города. Заголовки следуют один за другим: «Неосторожность

могла быть причиной взрыва бытового газа в жилом доме, в результате которого трагически погиб сын мэра», «Горожанин убил пинком мочившегося в подъезде дебошира», «Местный роспотребнадзор советует делать селфи с портретом на голове», «Городской ансамбль „Танцы-пляс“ стал всемирным победителем фестиваля „Помпадур“»... Читаю дальше... «Новая премьера Муниципального театра драмы – Шекспир на два миллиона»... «Областной театр – пришло время любви»... А где про наш? Эх, Алексей-Алексей... А вот: «Новый театр – новые горизонты».

Открываю заголовок, новость хороша, выверена, заманчива, да уж – пока что Библиотекарь единственный профессионал в нашем коллективе, не зря вчера мне выслал грудку текста на согласование, я согласился с каждым, и теперь он заполонит всю прессу, в этом я не сомневаюсь. Сереге я не сказал, но сам, конечно, уже давно знал, что у Лехи, несмотря на его закрытый образ жизни, имеется доступ к любой городской печати. Даже к бюджетным «Городским вестям» и комбинатовским (поддерживаемым заводом) «Вестям города». Откуда у Библиотекаря такие связи? Даже у меня, когда я выполнял в бывшем театре функцию по связям с общественностью, таких не имелось и в помине.

– Про нас снова пишут, – как-то робея, говорю Сереге.

– Это и пугает.

– Меня тоже... Театры уже начали подготовку вовсю, а мы? За сегодня ни черта ничего не сдвинулось! От читки

толку никакого. Все заново! А когда теперь всех их вместе соберешь?

– Нам нужен помреж, нам нужен завтруппой, чтобы по нашему приказу актеров обзванивал и время назначал, монтеровщики, в конце концов...

– Ага-ага, а еще гример, костюмер, хер с горы... Забудь, у нас этого нет и в ближайшее время не предвидится.

– Да я знаю. И зачем я тебя послушал? – Серега глотнул немного пива, накинул на голову капюшон – мерзостный дождь словно телевизионные помехи снова заполнил пространство.

Я уверен, в муниципальном театре уже вовсю завпост и завхоз реализовывают смету к спектаклю, что составила Ленка, – ищут реквизит по городу и интернету, договариваются с мастерами по декорациям, а может и того лучше – мастера уже принялись за работу. Я жену знаю – отлагательств не терпит. Она выдрессировала своих работников до предела, все как по струнке ходят. Бывшему худруку, что был до нее, Болтагаеву о таком можно было только мечтать. Сценографию Ленка взяла на себя, роль художника по костюмам тоже – было бы хорошо у нее взять сегодня эскизы, посмотреть. Хотя...

В областном театре тоже не лясы точат, после трех премьерных провалов им, кровь из носа, нужен хит. Будет фиаско – Француз слетит с места худрука, к бабушке не ходи. Для него «Коварство и любовь» – последний шанс. Все это

знают, на этот раз он выложится по полной, из кожи вылезет, но сделает хорошо, как раньше... А раньше, когда только вступил на должность, спектакли он ставил, будь здоров, зал на семьсот человек собирал стабильно, лауреатом самых престижных фестивалей бывал – многие постановки по Европе с успехом катались.

А мы стоим у поваленного бревна, промокаем, погружаемся в рыхлую, игольчатую от сосен землю и ждем конца обеда... Обед не кончается. Мы еще многое не знаем, к примеру, что обед в ДК не кончается уже давным-давно – может быть, даже с советских времен.

– Вот, наша первая грамота. – Серега срывает этикетку с пива и вешает на дерево – «Пикур», а ниже – «Из соловьиного края».

– За что?

– За безнадежность.

Платон Сергеевич

На следующей день, чтобы застать художников, мы пришли до обеда. Они из поролоня делали детский костюм конфеты.

– К грядущему празднику, – говорит Лидия Сергеевна, затачивая веревочкой поролон.

В подвале сыро и масляно, пахнет краской и деревом. Пол скрипит, как палуба корабля – никогда не плавал, но по фильмам знаю. На полках куча с подсохшими пятнами флакончиков, скрученных в три погибели тюбиков, коробочек с краской, пузырьков, баночек – в одной из них, чувствует-ся, ацетон. Широкий стол с красной тряпкой, Катя к ней приклеивает звездочки из фольги. Зеленая прядь волос закрывает глаза, она ее смахивает рукой, дотягивается до кофе в бумажном стаканчике, делает глоток и продолжает... В деревянном углу тускло мерцает экран компьютера. Окна заколочены – солнцу не пробиться – электрическое заточение.

– А что за праздник? – присаживаюсь я на маленький стульчик.

– Первое мая, Девятое мая, День защиты детей, – вздыхает Лидия Сергеевна.

– Нам нужна ваша помощь.

– Мы знаем, Азим Газизович нам сказал уже... Ну что, Катя, поможем ребятам?

– Поможем. – Девушка встает, разминает хрупкие плечи. Очень даже и ничего эта Катя, если бы не эта зеленая прядь...

– Я пьесу прочитала, – пожилая художница откладывает костюм конфеты в сторону. – Там такой сюрреализм.

– Верно, – включается Серега.

– У меня пара идей появилась. Да, Кать?

Катя молчит и допивает кофе.

– Каких? – интересуюсь я.

– У нас декорации с детского спектакля «Посвящение в пешеходы» остались, можно их использовать. Да, Кать?

Катя бросает стаканчик в офисную урну.

Серега встревоженно чешет косматую голову.

Нас отводят в «карман» – хранилище всех декораций ДК... Проходим за кулисами. На сцене в это время идет репетиция. Маленькие школьницы трясутся у микрофонов, дребезжащим голосом по очереди, каждый по строчке, читают стих.

– Майский праздник

День Победы

Отмечает вся страна,

Надевают наши деды

Боевые ордена.

– Ближе к микрофону! – взрывается по правое плечо.

Мы тут же приседаем – инстинкт самосохранения. Пепе-

ляще осколочная волна, вздымая на затылке волосы, пронесится над головой.

Алевтина Васильевна огненными губами воспламеняет сумрак зала. Удушливая копоть словно рой черно-черных насекомых надвигается из-за ее спины.

Все застывают, только одна девочка, словно переступает через растяжку на минном поле, пододвигается к стойке.

– Их с утра зовет дорога
На торжественный парад.
И задумчиво с порога
Вслед им бабушки глядят.

– Ты понимаешь, что читаешь? Понимаешь? – худрук и главный режиссер ДК забирается на авансцену.

Юные артистки расступаются. Карательница всей своей мощной фактурой надвигается на выбранную жертву... Красное пятно света над локтем Алевтины Васильевны напоминает повязку.

– Ты понимаешь, что читаешь? Понимаешь?

Кажется, что девочка сейчас свалится в обморок – она бледна, нижняя губа дрожит.

– Ничего ты не понимаешь. А стих про Победу! Про большую Победу нашу. Что ты своей башкой киваешь? Ты хоть знаешь, что такое Бухенвальд?

– Нет, – изрекает девочка, возможно, что это ее последнее слово при жизни.

– Не знаешь, – закатывается смехом Алевтина Васильевна. Ее руки трясутся в праведном гневе, а вместе с ними и вся сцена. – Вот поэтому и блеешь, как овца. Там детей жгли, вот такую, как ты, жгли, такую, как она. – Она тычет ярко-когтистым пальцем в сторону случайной школьницы. – Таких, как вы!

Из неведомых закров кулис веет горелым мясом.

– Вот были бы вы там – вас бы первым делом сожгли. Завел бы дядя фашист тебя в крематорий, дверку закрыл бы, и все – блеяла бы ты уже обугленная. Да? И никто бы о тебе не вспомнил. Прах с грязью да с говном перемешали бы и все. Что ты молчишь? Да?

– Да, – вырывается у девочки.

– И не стояла бы ты здесь передо мной, нервы бы мне не трепала. – Алевтина Васильевна извергает словесную лаву, градус темперамента зашкаливает – вот-вот и будет точка кипения. – А ты стоишь... Стоишь и блеешь! А надо рассказывать стих громко, отчетливо, понимаешь? Хотя, что ты там понимаешь башкой своей овечьей. Даже кричи во весь голос, все лучше, чем твое блеянье... Или ты, может, Родину свою не любишь? – Режиссерша ДК внезапно затихает, хитро насупив брови. – Не любишь?

– Люблю. – По лицу девочки катятся слезы.

– Может, ты подвиг дедов и прадедов своих, ду... – Режиссерша хочет сказать «дура», но останавливается. – Не чтишь?

– Чту. – Маленькая грешница уже готова к покаянию за все... За всю свою распутную жизнь... Глаза ее чисты и просят прощения.

– Вот любишь если, чтись если, то тогда кричи, надрывайся! Чтобы стыдно за тебя не было! Чтобы гордость за наш народ у людей была! Чтобы видели люди, как Родиной гордиться надо.

– Валим отсюда. – Серега шутовливо прячется за боковой кулисой.

– Не пугайтесь. – Лидия Сергеевна снимает амбарный замок. – Это она ко Дню Победы репетирует – театрализованное выступление делает.

Отодвигается створка мощной и стальной двери, такую бы в Средневековье на вход в крепость, ни один захватчик бы не пробил.

Тусклый свет сменяется ярким.

– Это пиздец, – первое, что говорит Серега.

На нас наваливаются фанерные руины давно прошедших праздников и утренников. Картонные огрызки деревьев, обломки досок, потускневшие стенды, щиты, лестницы и заваленный рухлядью огромный плакат с торчащей залысиной какого-то депутата.

– Где-то тут были. – Лидия Сергеевна невозмутима.

До «где-то тут» мы разбирали полдня весь хлам, потрепанные декорации выносили на сцену, раскладывали, рассортировывали.

– Не так я представлял работу директора, – нахватавшись заноз и вспотевший, как черт, хриплю я, когда приставляю к стене макет избушки.

– А думаешь, работу худрука я так представлял? – сипит Серега, выволакивая на сцену скрученный транспарант.

Появляется Алевтина, следом, как верные стражи, три женщины. Стальной блеск глаз, тройные подбородки, укороченные юбки.

– Вы что творите? – Алевтина Васильевна упирает руки в бока.

– А что? – Какой вопрос – такой ответ – так же дерзко отвечает Серега.

– Аккуратнее, – шепчу я, пытаюсь вытащить «волшебное зеркало» с нарезками фольги вместо стекла. – Они же нас сейчас съедят.

– Кто вам разрешил? – Предводительница идет в атаку, и это естественно, мы же разворошили ее логово, вторглись на ее территорию, нарушили вековой покой ДК...

Мы выходим навстречу Алевтине и теткам – видимо, руководителям кружков и театров. Сталкиваемся в середине сцены. Глядим друг на друга в упор. Вот тебе, блин, спектакль, заполняйте зал, глазейте – сейчас начнется...

Когда-то я воровал металл, чтобы выжить. Работал в бригаде у Палыча, порой были конфликты с другими такими же, как и мы, романтиками поселковой окраины. Барогозили, толкались, грызлись. Даже с цыганами дрались за чугунные

плюшки. Всякое бывало. И случилось так, что сердце уходило в пятки, что дрожь сковывала зубы – слово и не сказать, а раз, уползая от спецназа по трубе, обоссался. Ничего страшного, казалось, что все забылось. Да вот, как бы не так...

«Show Must Go On».

– Вы здесь еще никто! – начинает Алевтина.

Речь ее судорожна и нервозна, все ясно – директор ее предупредил, приказ свыше тоже озвучили. Она бессильна, просто хочет взять на понт. Да хер тебе по бороде!

– Женщина, освободите, пожалуйста, сцену, вы мешаете работать... – говорю я, стараясь оставаться невозмутимым.

– Женщина? Ты с кем так говоришь? Я худрук городского Дворца культуры! Я двадцать лет уже в культуре.

– Поздравляю, – перебивает Серега.

– Ты сейчас, мальчик, на улице поздравлять бомжей будешь.

– Сцену освободили, кому сказано! – раздается из-за спины Алевтины Васильевны.

– Я двадцать лет в культуре, а он меня женщина... пиздюк этот, – надывается худрук ДК.

Вспоминаю Палыча, тот подобные разборки вел как надо – выслушает с поникшим видом оскорбления и наезды, подпытает соперника уверенностью, а потом – раз, как отмочит. Да так, что оппонент сразу дар речи теряет, ему только и остается или кинуться драться, или замолчать.

– Почтовая лошадь двадцать лет письма возила, а читать

не научилась.

Вырывается у меня со смехом... Эффект ядерной бомбы.

Алевтина Васильевна встает на дыбы, кричит, ее верные стражи ей вторят.

На крик выходит уборщица в синем, смиренно созерцает конфликт. Еще какие-то люди выглядывают из-за пианино. Даже мужик в больших очках из звуковой студии подтянулся. Не сразу разобрал, откуда шумят. Медленно и очень вдумчиво повернул свою большую и рыжую голову в нашу сторону. И замер от любопытства, бормоча:

– Ох, блядь, ебанись...

Алевтина Васильевна и ее подчиненные, кажется, сейчас ринутся нас топтать. А нам как в ответ поступать? Женщин бить вроде бы нехорошо.

ДК пробуждается! Кофейно-валерьяночное спокойствие обретает смысл.

– Покиньте сцену, сами не работаете, нам не мешайте! – свирепеет Серега.

Одна из верных стражей заприметила «волшебное зеркало».

– Это мое! Куда вы его? – Она засеменила толстыми ногами на тонких шпильках к растрепанной декорации. – Это же «портал времени» из моей сказки! Куда вы его?

Руководительница расталкивает меня и Серегу, прорывается к своему portalу. Из-за длинных каблучков и выпирающих с боков килограммов она напоминает слона на косты-

лях с картины Дали, обломятся сейчас, и все, крах...

– Туда же дети заходят и в другой мир попадают, – совершенно беззлобно вырывается у женщины.

– Все хорошо, никуда мы его не денем... – Я подхожу к ней – раскисшей и опечаленной.

– Точно?

– Ручаюсь.

Алевтина щурится. Растеряна, от этого еще злее:

– День, два, на улице будете свой спектакль на помойке ставить! – угрожает она напоследок, косясь на давшую слабинку коллегу, как на предательницу.

Моргает красным светом фонарь. Скрипят половицы подмостков. Худрук вместе со своими стражами уходит во мрак, но на полушаге застывает, оборачивается в нашу сторону и выплевывает:

– Всех вас в топку вместе с цыганами отправим...

Кажется, последняя фраза мне послышалась.

На сегодня мы победили. Что завтра? Не знаю...

И пока театры репетируют свои будущие премьеры, мы устраиваем разборки с Алевтиной и ее охраной. Перспективно...

Расчистив весь «карман» и разложив все обломки декораций, позвали Лидию Сергеевну.

– Ну где тут, вы говорили, декорации с этих?.. – выдыхаю я, весь пыльный, исцарапанный, перепачканный краской, воняющий затхлостью. К мокрым рукам налипло всякой мел-

кой дряни – все зудит и чешется.

– «Посвящение в пешеходы», – поправляет художница.

– Да-да.

Заходим в «карман».

Сергея стряхивает с кудрей опилки. Оттопыривает погожий ворот футболки, дует на себя, чтобы хоть как-то остудить. Пахнет он явно не лучше меня.

– А вот он. – Лидия Сергеевна стучит по тухлявому пандусу, такое ощущение, что по нему еще Ленин на броневик забирался. – Мне кажется, хорошо подойдет.

Сергея с печалью глядит на перекошенный временем помост.

– Видимо, в пешеходы нынче уже не посвящают.

Я поднимаю голову. Огромный плакат. Все тот же депутат – залысина после разборки хлама, загораживающего его лицо, приобрела вполне неплохую прическу. Сочная улыбка, подпертая тройным подбородком, расплзается по лицу. «Выборы главы и собрания депутатов», а ниже: «За Лупина!»...

– Залупа нам, – по-своему читает Серега.

Все, что вынесли на сцену, надо убирать обратно.

Вытащив разваленный пандус, из которого все сыпалось и выпадали деревяшки, затащили весь фанерно-дощатый лом обратно в «карман». Еще раз оглядели добытое. Любой зритель поймет, что такие декорации двух миллионов не стоят

точно.

– А у меня еще спектакль сегодня. – Серега садится на деревянный край помоста.

– Какой?

– Мольер, будь он неладен, «Тартюф».

На Viber проходит сообщение. Да там, пока «карман» расчищали, новостей набралось на десять лет вперед. Аккуратно вожу пальцем по экрану, пытаюсь не заляпать сотовый грязными руками. Ленка и Библиотекарь. Сначала читаю Леху:

«Привет, Платон, чтобы лучше знать тему, мне нужно репетиции посмотреть, скажешь, когда будет».

Скажу, конечно, знать бы самому.

Ленка понаписала куда больше – сообщений двадцать прислала. Последнее мало о чем мне могло сказать:

«Платон, ты где, что молчишь?»

А дальше расспросы, мол, как дела, что там у тебя с театром?.. Что у меня с театром? Отвечать не хотелось, стремно. Единственное, что я мог написать: «Лен, ты права, зря я за все это взялся».

Директора ДК мы в своем кабинете не нашли, секретарша сказала, что утром он был на совещании в департаменте, а потом поехал на обед... После двух, может быть будет – точно никто не знает.

Серега отчалил в свой театр, а я остался наедине со сво-

ими печальными мыслями. Курил, пил кофе из автомата, глядел на служебный ход городского Дворца культуры. Все тот же рыжий мужик из студии выходил покурить. Несколько шумных школьников, слушая на мобильниках рэп, зашли внутрь... И больше ничего.

Хмурые тучи тянулись вереницей грузовых вагонов, волей-неволей вспомнилась тут родная железная дорога, темные ночи, нервное ожидание поездов, запах масляных шпал, скользкий свет вышек, терпкий дым Палычевой «Тройки». Вроде еще недавно воровал чугунные плюшки, а теперь создаю театр.

Создаешь? Смешно же. Платон Сергеевич, что ты можешь создать? Платон Сергеевич, вы вроде бы серьезный человек, а занимаетесь какой-то отчаянной глупостью.

А между прочим, Платон Сергеевич, ты же можешь не только срывать спектакли и кидать металл в кузов «КамАЗа».

А писать?

Вот именно – писать... Писать ты умеешь...

А может?

Умеешь-умеешь, не кокетничай, не приbedняйся. Только способность калякать толковые пьесы тебе сейчас не поможет! Платон Сергеевич, идите домой, садитесь за стол, пишите продолжение романа, и вам, между прочим, для одного театра еще текст нужно сочинить...

Спокойно-спокойно, что вы заводитесь? Вы счастливый

человек! У вас есть все, о чем другой позавидует, – жена-красавица, деньги, квартира в центре, просторная, как кукурузное поле, а главное – возможность творить и развиваться дальше! Да любой графоман города, когда видит вас, извините за вульгарность, ссытся от зависти. И к чему вам этот театр? Эта суета?

Ну а что делать?

Берите свою возлюбленную Елену Иосифовну и гоните в Москву, там-то точно будет лучше некуда. Вы отличная пара – вас ждет большое будущее! У нее там дом за городом – живите, творите себе на здоровье.

Актеров жалко, пообещал вроде как, подводить не...

Да кого вы подведете, Платон Сергеевич? Они на следующий день напьются и все забудут.

Серег, молодец же...

Да что он молодец-то? Под градусом пофантазировал малость, кущи розовые обрисовал, и все – до следующей конкретной пьянки о новом театре и не обмолвится. Мечтать ему куда интереснее, чем работать. Это ты, Платон Сергеевич...

Библиотекаря подведу.

Да при чем тут Библиотекарь? Кто он тебе? Платон Сергеевич, ну вы даете!

Леха, когда узнает, что я сдался – навсегда отвернется.

Отвернется. И? Что ты потеряешь? Больше никто тебе не принесет почитать книжки про «СС», войну, концлагеря,

Ивана Грозного и Чаушеску?

Идейные такого не прощают...

Выдыхаю... Выдыхаю снова – раз, другой и третий. Внезапно проснувшийся во мне Платон Сергеевич вроде бы усмирен. Скрылся, чинно маша рукой, в глубинах черного скептицизма.

Азим этот, Танцоплясович, все не едет... А с ним надо обозначить график репетиций, чтобы сцена была свободна от всех этих многочисленных кружков. С точной датой премьеры определиться, чтобы уже запускать рекламу и задуматься о распространении билетов.

Парковка пустует, ни машин, ни людей, лавируя между колдобинами асфальта, бродит котенок. Черный, без всякого просвета, вырастет – будет пугать людей дурацким суеверием, перебегая им дорогу.

«Платон Сергеевич, ау! Миленький, ступайте домой...». – Слышу заманчивый шепот. Поворачиваю голову – вижу свое отражение в стекле ДК. С другой стороны мутного окна служебного входа на меня глядит молодой парень крепкого сложения в трендовых джинсах и хлопковой ветровке, такому только чуть похудеть и в рекламе фитнес-центров сниматься, а не театр строить. К такому, никак иначе, только и обращаться по имени-отчеству.

Платон Сергеевич, идите домой, родненький...

И снова ощущаю в себе эти интонации, только теперь мягкие, нежные и заботливые.

Там хорошо, уютно и опрятно, сдался тебе это гребаный ДК? Платон Сергеевич, а? Вы, когда в муниципальном театре завлитом работали, с тупостью начальства уже и так вдоволь наборолись, вам не надоело? Никто же ничего в этом городе не понимает. Сорвали спектакль... Свой же спектакль сорвали, на деньги и почет не позарились, справедливости захотели! А посторонние-то: «э-э-э-э» – поухмылялись, да все равно какую-то уловку разглядели. И давай перешептываться: «А парень-то не дурак, вон какой пиар себе сделал».

Да и пес с ними...

Тогда, Платон Сергеевич, вы слыли молодым и наивным, а главное – терять было нечего и отступать некуда. А сейчас столько отходных путей имеется, да и авторитет, конечно, не шибко какой, но есть. Не отрицайте, Платон Сергеевич, не надо...

Но я ж победил! Вся верхушка департамента культуры после скандала из-за отмены спектакля сменилась. Победил! Ты, дурак этакий, понимаешь? Все не зря...

Но об этом никто никогда не узнает, не похвалит и грамоту не даст.

Выруби свое тщеславие... Да и разве в нашем обществе победителей чествуют? Нет! Подбадривают неудачников.

Платон Сергеевич, не был бы таким законченным олухом, нашлись бы люди готовые вас похвалить и поддержать.

Обойдусь... Куда ни глянь – одни сочувствующие и милосердные. Конечно, для них поддержать в трудную минуту раз

плюнуть... Утешить для них все равно что унижить, праведно и благородно потешить свое самолюбие. История успеха сейчас никому не интересна, о ней не посплетничаешь, всем беды чужих поражений и неудач подавай.

– Ну, как дела? – Ленка накрывает ужин – вкусно пахнет запеченной картошкой и сметанным соусом. Давно она уже меня не баловала, изматывалась на работе, когда приходила домой, точно уж было не до готовки.

За окном срабатывает сигнализация, но быстро затихает. В приоткрытое окно веет холодом.

– Погода испортилась, – бормочу я, теребя салфетку.

– Испортилась.

– А что ты светильник на балконе жжешь, на кухне не включишь?

– Да потому, что здесь все перегорело.

– Блин. – Я собрался уже встать, но она остановила:

– Да сиди, завтра разберешься.

Деревянная отшлифованная лоджия отражает струящийся свет из новых и пузатых плафонов. Как прекрасно! Человеческая свобода начинается не с возможности летать по всему миру, а с пустого и просторного балкона, без холодильников, банок, санок, лыж, удочек и прочего хлама.

– Надо было на высоких этажах квартиру брать. – Ленка разливает по фужерам, напоминающим граненые стаканы, томатный сок. На ней беленькие короткие шортики и об-

тягивающая майка.

– А что второй этаж тебе не нравится?

– Холодно...

– Ну зато батареи мощные – зимой жарко будет, когда отопление включат. – Я цепляю вилкой оливку, закидываю в рот.

– Эй, Платон, меня-то подожди, не ешь. – Ленка вынимает из духовки душистую от специй курицу. – А летом?

– А летом, наоборот, от духоты спастись будем.

– Как знаешь. Но лучше бы...

Глотаю слюну, аппетит дикий, есть хочется уже не вмоготу.

Разрезав курицу на противне и переложив куски в глубокую тарелку, Ленка расставляет на столе всякую вкусность. Передо мной тарелка с картошкой, мягкий пар щекочет ноздри.

– Ну. – Ленка садится напротив, поднимает фужер. – За нас.

Чокаемся. Томатный сок приятен – холодный, еще больше подогревающий аппетит.

– Платон. – Ленка ювелирно отрезает ножичком кусочек курицы. – Ты так и не ответил – как у тебя дела?

– Хорошо. – Я уплетаю ужин за обе щеки.

– Блин, картошка чуть подгорела.

– Все хорошо, – говорю я с набитым ртом.

– Как там Танька на читке выглядела?

– Как всегда, – подбираю слово, – достойно.

– Я в ней не сомневалась. И когда у тебя премьера будет?

– Думаю, двадцать четвертого июня. Надо с директором

ДК поговорить...

– Платон, – Ленка отстраняется от стола, промакивает салфеткой улыбающиеся губы, – ты большой молодец... Зря я тебе всякое наговаривала.

– Да ничего, я привык, что в меня никто не верит.

– А ну не говори так!

Во дворе лает собака. Скрипят качели. Смеются дети.

– Ну...

– Платон, – Ленка делает глоток томатного сока, – не говори так, я всегда в тебя верила! Понял?

Закат, прорвавший заслон черных туч, окропляет крыши и окна.

Розовеют оливки в пиале, розовеет курица в глубокой тарелке, розовеет кухня, розовеет Ленкино лицо.

– Понял. – Прожевываю сочную картошку, гляжу на жену. Она смотрит на меня. Молчание затягивается, отчетливо слышно, как во дворе надрывается собака. Хозяин – идиот, наверное с поводка спустил.

– Я сегодня новость про вашу премьеру читала.

– Ну и как?

– Что как?

– Новость тебе как?

– Отлично. Платон, милый, как ты так сделал? Ты завалил

весь интернет ими! Про нас ничего толком нет, все про вас да про тебя.

– И что пишут?

– Что-что... – Ленка накалывает на вилку ломтик запеченного помидора. – Что ты молодец... И что в городе появился новый театр.

– А... – Я чешу голову. – Надо бы теперь название придумать.

– Платон, ты проплатил, что ли?

– Кого?

– Журналистов.

– Хуже.

– Что хуже?

Кажется, что собака хрипит прям под ухом. Ленка встает, молча закрывает окно. Причитает:

– Блин, надо было верхний этаж брать, – она садится мне на колени. – Вкусно?

Я доедаю ужин, собираю кусочкам курицы остатки соуса и зелени.

– Вкусно.

Жена гладит меня по голове холодной рукой.

– Ты зарос, тебе пора подстричься.

– Подстригусь.

– Так что ты сделал? Что значит «хуже»?

– Заразил одного человека идеями – вот и все. Деньги рано или поздно кончаются, идеи остаются.

– А у тебя точно все хорошо?

– Точно, – третий раз вру жене. – А у тебя?

– Все прекрасно. Чай будешь? – Ленка убирает тарелки,

подходит к плите, зажигает конфорку...

– Буду.

– Новые лампы купили, под них специально художника по свету из театра Виктюка вызвала. Шоу будет такое! Подобного город ваш не видел еще, уверена. Танцы я массовые сейчас репетирую, актеры молодцы, еще никогда так не выкладывались, все с первого слова понимают. – Ленка возвращается на свое место, несмотря на ее минимальную одежду, ее речь и жесты приобретают деловой и начальственный размах. – Нам сейчас декорации делают, полный шик будет – фонтаны, статуи, колонны, настоящая Венеция.

– Верона, – поправляю я.

– Верона?

– Ну, Ромео и Джульетта в Вероне вроде жили...

Ленка морщится, убирает со стола оливки. Снимает закипающий чайник.

– А я кофе буду. – Она открывает шкафчик, ищет баночку своего «Egoiste».

Повернувшись ко мне спиной, Ленка долго возится с кружками.

– Ты с сахаром будешь?

– Да.

– Тебе сколько ложек?

– Три.

Крепкие и спортивные ножки жены интригующе напряжены. Светлые волосы распущены и свежи. Настоящая блондинка из какого-нибудь «Playboy», даже поверить трудно, что эта женщина – моя жена. Говорят, что страсть проходит через год – не верю, это выдумали располневшие тетки и пузатые мужики, чтобы наукой оправдать свою никчемную сущность.

Я выхожу на балкон покурить, распахиваю окна навстречу розовому небу. Двор уже пуст. Припаркованные машины, весенний, запутавшийся в ивовых ветвях сумрак. Промокшие газеты подсыхают на недавно покрашенных скамейках.

– Чай остынет, – слышу за спиной.

– Я быстро.

Только закуриваю, Ленка приносит мой сотовый.

– Тебе сообщение.

Открываю экран... Серега:

«Платон, извини, тут после спектакля разговор с худруком был про меня и Сыча... В общем, завтра надо встретиться, поговорить...».

– Ты понимаешь, что это значит?

– Понимаю, – выдыхаю дым в угол балкона, заросший паутиной.

– Ты остался без актеров... Танька не хотела говорить. В общем, она тоже не хочет в твоём спектакле играть. Мы с ней разговаривали.

– Понимаю...

Экран внезапно загорается. Библиотекарь:

«Платон, привет, ну, что там завтра с репетицией?»

Нужного ответа не нахожу, медлю.

Ленка обнимает меня со спины, жар ее затвердевших сосков намекает на яркую и счастливую ночь.

– Платон, ну завязывай ты с этим своим театром, – по уху скользят влажные и томатные губы жены.

«Платон Сергеевич, родненький...» – слышу я из неведомого далека.

«Show Must Go On»

С утра хочу ворваться в ДК, но прямо перед носом открывается бронебойная дверь, и меня сносит встречный поток рвущихся на улицу детей. Он отбрасывает меня все дальше и дальше. Я стремлюсь хоть немного продвинуться вперед. Против течения не пройти, бесполезно, слишком сильно.

– Так, спокойней-спокойней, – слышу голос воспитателя, а может, просто – кого-то из родителей.

Школьники жаждут свободы. Меня захлестывает волна ребячьих улыбок, криков, слов, восклицаний.

– Ты дурак!

Вылетает мне в лицо.

– Сам дурак... – раздается из шевелящейся густоты. Кажется, что отвечаю я сам.

Девочки в костюмах букашек, мальчики с подрисованными усами... Юнцы в картонных шляпах, моряки, пираты.

– Разойдись!

Пацаны постарше выкатывают пушку.

– Э, по ногам аккуратнее, – злится подросток на своих «однополчан». – Всеку сейчас.

Бравым маршем выходят гусары.

– Всосешь ты, – хохочет дылда в аксельбантах.

– Так, спокойней-спокойней! – командуют женщины.

В нескончаемой гамме фойе суетятся вчерашние стражи.

Тетки бесполезно орут и машут руками. А я уже откинут на улицу, укрываюсь за широченным косяком.

И вот новая волна – каратисты в белоснежных кимоно. Они куда меньше гусар. Испуганно семенят, боясь поднять глаза. Чувствуется, что в спину им дышит кто-то серьезный. И верно! Следом, чеканя шаг, появляются карапузы в футболках поверх одежды с красной надписью «Кудельки». Они важные и чинные, походным строем выносят из стен ДК свои молочные улыбки и маленькие зонты.

– На улице строимся! – кричит одна из стражей, придерживая задирающуюся юбку.

Обжигая терпким ароматом духов, выкатывается Алевтина. Наши взгляды встречаются. Обмениваемся озлобленностью, и худрука несет дальше. Она закрепляет на руке съехавшую вниз красную повязку.

– Все строимся здесь!

Отступаю к каменной урне – так и так не прорваться.

– Хор «Висельки» – давайте направо.

Детская толпа растаптывает лужи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.